
Сергей
Гончаров

ВЫБОР ЕВЫ

Последний день близок

18+

Мир Евы

Сергей Гончаров

Выбор Евы

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Гончаров С.

Выбор Евы / С. Гончаров — «ЛитРес: Самиздат», 2012 — (Мир Евы)

ISBN 978-5-532-10538-6

Грань между человеком и зверем настолько тонка, что порой не видна. Человечество уничтожено совместными усилиями людей и природы. Группа уцелевших уже несколько поколений пытается выжить посреди заснеженного города. Но на планете появился новый, более приспособленный вид — звери, который отвоёвывает место под солнцем. Но что если в каждом звере живёт человек, а в каждом человеке — зверь? Порой грань, отделяющая два вида, исчезает. Тогда молодому следопыту предстоит выбрать, на чьей он стороне.

ISBN 978-5-532-10538-6

© Гончаров С., 2012
© ЛитРес: Самиздат, 2012

Содержание

Пролог	5
Часть 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Сергей Гончаров

Выбор Евы

Пролог

Звери не умеют разговаривать! Девочка тряслась от страха на холодной железке, а крупный зверь с чёрной шкурой сидел рядом и... говорил!

– Всем не спастись, – посмотрел он в глаза девочке.

«Совсем молодая, – пронеслось в мыслях. – Наверно, о парнях недавно думать начала».

«Глаза разноцветные, – в глупом оцепенении подумала Эва. – Один голубой, другой зелёный».

– От тебя сейчас, может быть, зависит жизнь всего человечества, – продолжил зверь. – И пока я жив тебя никто не тронет. Повторяю, попасть туда смогут лишь двое. Выбирай мужчину, и вместе уходите. Чем быстрее, тем лучше. Поняла?

– Ага, – кивнула девочка. Её волосы, ещё вчера рыжие, стали седыми. В голове всё перепуталось, перемешалось и в связное целое складываться не собиралось. Пару мгновений назад она ждала смерти. На её глазах растерзали сестру. В соседней пещере только-только умолкли крики. Звери разорвали ещё кого-то из родственников.

– Да ничего ты не поняла... – в сердцах махнул лапой зверь с чёрной шкурой.

Часть 1

Кровные узы

Между зданий мелькнула коричневая шкура. Ди моментально замер, даже руками пришлось взмахнуть, чтоб удержать равновесие.

Вечернее солнце скупое бросало последние лучи. Они отражались от зеркальной поверхности окружающих небоскрёбов, от снега, покрывавшего всю планету, и сильно слепили. Но Ди, как и остальные жители, давным-давно привык к солнцу, которое не грело. И если не успеет к ночи добраться до дома, то шанс увидеть светило ещё раз равняется... чуть-чуть больше нуля. Пережить ночь на улице практически невозможно.

Ди закрыл глаза и несколько раз глубоко вдохнул через нос. Ртом никто не дышал. Простудить лёгкие на таком морозе – дело нескольких вдохов. А потом кровавый кашель и смерть. Молодой разведчик заправил прядь русских волос, выбившуюся из-под шапки и щекодавшую нос, после чего медленно открыл глаза.

Заснеженная улица города как всегда пуста. Погребённые под сугробами у обочины дороги навсегда уснули автомобили. Город молчалив и безмолвен. Уже много-много лет.

Впереди показалось движение, кто-то быстро выглянул из-за угла. Ди почувствовал, как волосы на голове зашевелились от страха. Медленно стянул обрез с плеча. Взял курки. Снял перчатки, заткнул их за пояс. Лево́й рукой пошарил в сумке – около двадцати патронов. Два вынул и зажал в кулак. Тяжело вздохнул и направился дальше по улице.

Теперь он начал чувствовать, что за ним наблюдают. Это нельзя ни с чем спутать. Неуютно, когда на тебя смотрит человек, но когда за тобой следят звери...

Ди видел себя в зеркальных окнах первых этажей. От этого становилось жутко. Одиноќий человек с обрезом наизготовку посреди мёртвого города мёртвой планеты. Где-то совсем рядом звери. Они ждали, пока он хоть немного расслабится и перестанет беспрестанно вертеть головой. Им даже могло хватить ума, специально показаться, чтобы человек начал нервничать.

Ди шагал и шагал, а звери всё не нападали. На несколько мгновений он даже засомневался, а точно ли видел коричневые шкуры. Возникла мысль, что даже если и видел, то они могли по своим делам идти. Но эта мысль была слишком смехотворной. У них было два дела: достать еды и полакомиться человечино́й. И для первого в город они не ходили.

Сбоку, в тёмном проулке меж двух небоскрёбов, боковое зрение выхватило движение. Разведчик молниеносно припал на колени. Чёрные провалы стволов уставились в сторону потенциальной опасности.

«Их мало! – сообразил разведчик. – Ведь иначе они бы уже давно напали!»

Облегчённо вздохнув, как будто малое количество зверей повышало его шансы на выживание, Ди напряжённо вгляделся в сумрак проулка. Рассмотрел в темноте заснеженные деревянные ящики, десяток металлических контейнеров и груды разнообразного мусора рядом с ними. Между ящиками, у стены, разведчик заметил два зелёных глаза. Ещё внимательней приглядевшись, увидел и их обладателя.

Звери были похожи на людей. Единственные серьёзные отличия в том, что тело покрыто коричневой шерстью, а на верхней челюсти два длинных резца. Самое опасное оружие у них в лапах – длинные и острые когти. Передвигаться эти создания способны как на двух, так и на четырёх конечностях.

Ди напрягся. Он никогда не слышал, чтобы звери устраивали подобные засады. Они всегда нападали в лоб, открыто. Скорость, с которой они перемещались, заставляла людей изводить не один десяток патронов, а их живучести лишь позавидовать – даже несколько попада-

ний в упор были далеко не всегда смертельны. Что-то в подобной засаде показалось странным, выбивающимся за рамки понимания.

За спиной тихо-тихо скрипнул снег. Реакция оказалась быстрее мыслей. Ди мигом вернулся и нажал оба спусковых крючка. Обрез, с громким «Ба-бах», выплюнул из обоих стволов крупную дробь, но смертоносный металл не достиг цели. У зверя реакция оказалась ещё быстрее. В тот момент, когда разведчик ещё поворачивался, зверь уже отпрыгнул вправо. Дробь пролетела рядом, раскрошив стекло одного из небоскрёбов. Ди заворожено пронаблюдал, как стеклопакет, разлетевшись на миллион частичек, осыпался в снег. Внутри увидел большой и странный автомобиль, кардинально отличавшийся от тех, что навсегда застыли на улице, не только размером, но и колёсами. А точнее их отсутствием.

Больше рассматривать времени не было.

Зверь ухмыльнулся. Губы раздвинулись, ещё больше открывая устрашающие клыки. Ди переломил обрез ружья. Трясущимися руками запихнул два патрона. Противник медлил, стоял в десятке шагов на двух лапах и ухмылялся. Патроны с дробью заняли места в стволах. Закрыть и взвести обрез – дело одного мгновения.

И вновь зверь удивил поведением. Он не попытался напасть или скрыться из зоны поражения.

Ди отпрыгнул в сторону, с намерением выстрелить в то место, где мгновение назад стоял. Однако сделал это слишком рано. Зверь, который до того сидел в засаде, ещё не успел подкрасться близко. Он лишь готовился к решающему прыжку, и с удивлением пронаблюдал, как будущая пища сиганула в сторону. Поскользнувшись, молодой разведчик грохнулся на пятую точку. Из-за падения выстрел угодил в воздух. Мгновение он смотрел на изготавившегося к прыжку зверя. В мыслях мелькнуло: «Самка». Более хрупкое телосложение, меньше клыки, грудь, хоть и практически невидимая под шерстью, да и морда симпатичнее.

«О чём я думаю?! – пронеслось у него в мыслях. – Какая симпатичность?!»

В следующий миг он уже стоял на ногах. Глаза зверей округлились. Они тоже не ожидали от него такой прыти. На их морды выползла улыбка – человек побежал; решил порадовать их любимым развлечением – погоней.

Ди дал дёру так, будто за ним не два зверя охотились, а как минимум двадцать. Сзади донеслось довольное рычание. Глянув через плечо, он увидел, с какой сумасшедшей скоростью звери, на четырёх лапах, нагоняли его. Ещё несколько мгновений и он почувствует, как одежда, сшитая из кусков шкур, разорвётся под когтями, а после страшные клыки вонзятся в мягкое и незащитное человеческое тело.

Разведчик резко прыгнул в проулок между домами. По инерции больно грохнулся плечом о стену. Звери же вообще пронеслись мимо, не смогли повторить манёвр. Ди побежал, на ходу вставляя в стволы обреза патроны. Обернувшись, увидел, что звери появились в проулке.

«Подпустить ближе! Убьют! Один шанс! Подпустить ближе!» – мысленно заметался он.

Рука, тем временем, взвела курки.

«Один шанс, – чётко осознал молодой разведчик. – И, либо остаюсь живой, либо сегодня же становлюсь пищей»

Он оглянулся и как раз вовремя. Самец, опередивший самку на несколько корпусов, почти догнал его. Последним, решающим прыжком, он собрался положить конец охоте. Несколько долгих, как вечность, мгновений Ди смотрел в карие глаза, где навсегда застыла злость. А в следующее, резко повернувшись, выстрелил из одного ствола.

Крупная дробь, да ещё и с близкого расстояния, разворотила зверю морду. Разведчика, инерцией и отдачей от выстрела, кинуло спиной в снег. Шапка слетела с головы и тоскливо откатилась к серой бетонной стене. Зверь с искореженной мордой проскользил по снегу и замер рядом, уставившись в лицо человека единственным оставшимся, широко раскрытым карим глазом. Вместо второй половины морды было кровавое месиво из костей, мозга и крови.

Ди вскочил. Самка была уже близко. Разведчик вскинул обрез и, не целясь, нажал второй спусковой крючок. Зверь, предугадав траекторию полёта дробы, за мгновение до выстрела, прыгнул на стену. Сделав по ней два скачка, разъярённая самка приземлилась на человека. Мир в глазах Ди крутнулся, и он распластался на снегу. Зверь одним движением разорвал острейшими когтями одежду из шкур.

Наибольшее лакомство зверей – живое, ещё бьющееся сердце. Нередко они устраивали драки между собой за обладание им. И Ди понял, что через несколько мгновений может быть успеет увидеть собственное.

Страх близкой смерти парализовал молодого разведчика. Он встретился взглядом с пронзительными зелёными глазами.

«Такие могли бы принадлежать какой-нибудь красавице, но не этой самке» – пронеслась неуместная мысль.

Из пасти зверя воняло так, что человека затошнило. Ди непроизвольно попытался отстраниться. Зверь, тем временем, замахнулся, приготовившись воткнуть острые когти в грудь жертве, чтобы в следующий момент подцепить рёбра и привычным резким движением «раскрыть» грудную клетку.

Глаза Ди, от осознания близкой смерти, наполнились слезами. Страх придавал сил. Он дёрнулся так неистово, что зверь, не сумев удержаться, покатился по снегу. Вскочив, он зачерпнул из сумки горсть патронов, переломил ствол и попытался запихнуть всю горсть. Патроны посыпались в снег. Лишь один провалился в жерло ствола. Ди захлопнул обрез. Успел взвести оба курка, когда зверь вновь сбил с ног. Одно мгновение разделяло разведчика со смертью.

Зверь замахнулся обеими лапами. Ди подставил к морде обрез и нажал оба спусковых крючка. Бухнул выстрел. Самка закричала, будто рожаящая женщина. Схватившись лапами за морду, покатилась по снегу.

Ди вскочил. Переломил обрез ружья. Отстрелянная гильза вылетела из ствола. Молодой разведчик пронаблюдал за её полётом.

Раненный зверь заворочался в кровавом снегу, пробуя подняться. Ди прекрасно понимал, что самка, даже в таком состоянии, не даст добраться к поселению.

Опустив руку в сумку, пошарил в поисках патронов. Зверь прекратил вопить. А когда убрал лапы, разведчик увидел, что вся левая сторона обожжена.

«Стареет оружейник, – подумал он. – За два похода уже пятый без дробы».

Ди интенсивней закопошился в сумке, но не смог найти продолговатого овального предмета. Ни одного. Заглянул внутрь, и кровь заledenела в жилах.

Даже раненные звери смертельно опасны для вооружённого человека. Если же у этого человека не осталось патронов...

Ди побежал. Ледяной воздух, врываясь в лёгкие через рот, обжигал. То, что мог умереть чуть позже, от кровавого кашля, вызванного воспалением лёгких, он даже не подумал. Страх близкой когтистой смерти заслонил далёкий и невнятный ужас кровавого кашля.

Один раз Ди оглянулся. Зверь поднялся на лапы и помотал головой. Капли крови полетели в стороны. В следующий миг самка посмотрела на улёпётывавшего по проулку человека. Глаза прищурились, пасть оскалилась, по телу пробежала крупная дрожь. Когда Ди оглянулся в следующий раз, самка с опаленной мордой была уже совсем близко. Ещё несколько десятков прыжков и он вновь окажется в её лапах.

Зелёный глаз жутко смотрелся посреди каши из крови, кожи и коричневой шерсти. Сумка стучала по бедру, обрез показался слишком тяжёлым. Ди захотелось выбросить обрез и сумку, только бы не попасться ещё раз в лапы зверя. Но молодой разведчик отбросил эти мысли.

Человек выскочил из проулка между домов быстрее пули. Следом, размазанным коричневым пятном, пронёсся зверь. Ди оглянулся. Пронзительные зелёные глаза и оскаленная пасть

со страшными клыками была уже совсем рядом. Разведчик перехватил обрез за стволы. Ещё раз оглянувшись, увидел, что самка вот-вот прыгнет.

«Раз. Два. Три» – про себя сосчитал он.

После, резко обернувшись, Ди со всей силы махнул обрезом. Рукоять бывшего ружья пришлась в скулу находившегося в полёте зверя. Самка рухнула без сознания в снег. Молодой разведчик тоже упал. Оружие отлетело в сторону. Моментально вскочив, он кинулся к обрезу. Заледеневшие пальцы с трудом обхватили стволы. Сзади донёсся шорох. С лёгким стоном Ди обернулся. Самка приходила в себя. Попыталась подняться, но сил хватило лишь на то, чтоб перевернуться на спину. У разведчика возникла идея: подойти и перерезать горло, пока она ещё слаба. Он даже сделал несколько шагов, но потом остановился.

«Не подходи! – завопило подсознание. – Не подходи!»

Ди и сам уже понял, что чуть-чуть не сделал ужасную глупость. Отец с детства учил, что если зверь кажется слабым, это вовсе не означает, что он слабее вооружённого человека. Самка пошевелилась, вновь попыталась встать и опять тщетно. Разведчик ещё несколько мгновений постоял, размышляя, как же так получилось, что зверь, практически беспомощный, лежал перед ним, а из оружия лишь бесполезный в данной ситуации нож?!

И Ди побежал. Последние скудные лучи отражались от зеркальных поверхностей небоскрёбов и снега, ослепляли. Несколько раз оглядывался. Зверь не преследовал, в одиночку близко к поселению людей они не подходили. Руки замёрзли. Остановившись, засунул обрез подмышку. Негнувшимися пальцами с трудом выдернул из-за пояса перчатки. Кое-как нацепил. Привычным движением собрался поправить шапку и понял, что её нет.

– Да чтоб тебя! – хлопнул рукой по бедру.

Глубоко вздохнув через нос, трусой побежал дальше. Вскоре показалась огромная площадь посреди мёртвого города, а на ней и родное поселение, обнесённое высоким частоколом. Рядом с вращающимися дверьми одного из небоскрёбов крутилось человек шесть-семь ребятни. Пока взрослые не заметили их отсутствия, они развлекались любимой детской забавой: «А кто сможет дальше зайти в отравленное здание».

Они как раз считались, кому первому входить, кому второму и так далее.

– Говорил зверь «никому не верь», – после каждого слова, мальчуган в куртке из медвежьей шкуры тыкал в каждого пальцем. – Надел сапоги и быстро беги. Нет сапог – жми на курок, нет курка – выходи пока, – закончилась считалка на черноглазой девочке.

– А ну, прочь от входа! – прикрикнул на них Ди. – Знаете же, что внутри опасно, чего лезете?! Или думаете, что это шутки? – он напыжился, всем видом стараясь показать, что взрослый, хотя сам ещё несколько Сезонов назад играл в подростковый вариант этой же игры. Если у детей надо было просто забежать и потом рассказывать, как там темно и страшно, то подростки должны были вынести из зданий какую-нибудь безделушку.

– У тебя забыли спросить, Мясо! – выступил вперёд мальчуган в куртке из оленьей шкуры. – Иди, под лавочку спрячься! Как обычно! Мясо!

Ди сделал к ним два устрашающих шага. Ребяшня, с весёлым гиканьем, разбежалась по площади.

– Мясо! Мясо! Мясо! – разнеслись по округе звонкие голоса.

* * *

Ди вскочил с лавочки. Спросонья чуть не потерял равновесие. Кошмар, в котором убегал от зверей, но они догоняли и начинали терзать, застыл перед глазами. Разведчик потёр слипшиеся веки, потянулся. Организм до конца не проснулся, но Ди чувствовал, что выпался отменно.

Братья с жёнами и детьми ещё спали. Каждая семья на своей кровати, дети между родителями. Ди улыбнулся, глядя на родственников.

«Когда-нибудь... Скоро и у меня будут жена и дети» – подумал он и представил, насколько теплее тогда станет спать.

За столом сидела мама. Возле коптящего огарка лежала поджигалка, небольшое электро-механическое устройство, найти которое в мёртвом городе проблем не составляло. Свеча была не в состоянии осветить внутренности большого дома, но Ди этого и не требовалось. Дом был сделан, как одна огромная комната, и ширмами из шкур разделён на несколько частей. В первой, возле входной двери, находился разнообразный хозяйственный инвентарь. Во второй части, центральной, стоял электроводонагреватель в виде чана с водой, от которого шли трубы по всему периметру и даже на чердак. Правда, последний отапливался слабо. Ди вообще никогда не понимал, каким образом нагретая вода попадала на чердак. Ему как-то объясняли, что система отопления построена таким образом, чтобы вода толкала сама себя и создавалась циркуляция. Молодой разведчик так и не понял, как подобное может происходить. В центральной же части располагались стол и множество кроватей впритирку. Эта часть дома была самой тёплой, потому в свободное от работы время все члены семьи разведчиков предпочитали находиться в ней. Как говорится: и в тепле, и не в обиде. В третьей же, задней части, находились туалет и кладовая. Чердак фактически не использовался. Там было слишком холодно для того, чтобы жить, а хранить всяческое барахло в семье разведчиков было не принято. И, в основном, это место использовали дети для своих игр, а также там хранили запасы еды в Период Бурь.

Ди спал на толстой деревянной лавочке, поставленной вдали от отопительного прибора. Остальные четверо братьев с жёнами и детьми спали на больших кроватях, сделанных семьёй столяров.

Окон в доме первые поселенцы не предусмотрели. Сделали лишь одно отверстие – входную дверь. Впоследствии, после появления зверей, это инженерно-техническое решение сыграло немаловажную роль в сохранении человеческих жизней.

Поначалу свечи изготавливала семья свечников. Но после того как те погибли, каждому дому пришлось делать их самостоятельно из жира моржей. Три Сезона назад старший брат – Гтирер, нашёл в мёртвом городе склад свечей. Они непривычно и странно пахли, но горели намного дольше, нежели сделанные самостоятельно. Потому экономить свечи семья разведчиков перестала.

Мама, как обычно, проснулась задолго до восхода солнца. Сидела за столом, что-то мастерила. «Размышляю, рукодельничаю» – всегда оправдывала она своё раннее пробуждение.

– Привет, мам, – прошептал Ди.

– Здравствуй, сынок, – мать, полная женщина с морщинистым лицом, улыбнулась с той теплотой, которую женщины дарят лишь любимым детям. – Как спалось? Что-то плохое приснилось?

– Нормально, мам. А ты чего такая грустная? – Ди оделся, поискал глазами шапку.

– Тяжело встала, – вздохнула мать. – Да и вот! – на столе, отложенное в сторонку, лежало рукоделие, а она как раз закончила зашивать младшему сыну порванную зверем куртку. – Не получается! Хотела сегодня закончить... А скорее всего не получится.

Ди знал, что мать делает ремешок для обреза. Чтоб сынок мог носить его на спине или груди. Женщины делали поделки родным из собственных волос. И, если сила волоса была не меньше мастеровитости, изделие выходило красивым и надёжным в использовании.

– Не пойму, чего в такую рань вставать? Проснулась бы, потом доделала. Будто этот ремешок прямо сейчас нужен?! – молодой разведчик осторожно надел зашитую с материнской любовью вещь. Затем подкрался к кровати Траана. Брат был старше всего на один Сезон, а уже был женат и имел двоих детей. Его шапка из шкуры песка, лежала у изголовья, будто самая

ценная вещь первой необходимости. Ди медленно потянулся, и когда она оказалась в руках, поспешно нахлобучил на голову.

– Не спится мне, – горько вздохнула мать. – Ноги болят, временами я их перестаю чувствовать... не могу пошевелить. Сегодня и проснулась оттого, что не чувствовала их... – она закрыла лицо руками, не хотела показывать сыну слёзы выступившие на глаза.

Ди подошёл, обнял маму.

– Всё будет хорошо, – шепнул на ухо. – Я не дам тебя в обиду! – сказал то, чего сделать бы ни при каких обстоятельствах не смог.

Он понимал, чего мать боится. Но не знал, каким образом сможет ей помочь.

– Спасибо... – мама крепко сжала руку. – Иди, тебе надо отчитаться.

– Не бойся, – зачем-то добавил Ди.

Молодой разведчик резво выскочил из дома. Глаза заслезились, и он не хотел, чтобы мама это заметила. Поскользнувшись на покато крыльце, чуть не шмякнулся носом о перила.

– Да чтоб тебя! – пробормотал любимую присказку.

Ди втянул ледяной воздух полной грудью. Начинался новый день. Солнце затевало очередную прогулку по небосклону. Отражаясь от стёкол окружающих небоскрёбов, приятно слепило глаза.

– Да чтоб тебя! – пробормотал Ди, когда заметил, что напротив дома застыла Эва – дочь и единственная выжившая родственница оружейника.

Она замерла, стала похожа на каменное изваяние человека с соседней площади. Будто куда-то направлялась и, проходя мимо дома семьи разведчиков, остановилась. Взгляд задержался на двери, но мыслями она находилась где-то далеко.

Ещё несколько Сезонов назад они были друзьями не разлей вода. Безмятежность ребячества, когда лучший друг – тот с кем интересно, закончилась в одночасье. В конце прошлого Сезона, когда до Периода Бурь оставались считанные дни, напали звери. Они уволокли или убили всех родственников оружейника. Дом, полный жизни, превратился в напоминание о скоротечности оной. Но прошла пара дней, и Эва вернулась. Одна. Никто и никогда не приходил обратно от зверей. Женщины под навесом сразу вспомнили, что бабка Эвы была колдуньей и доставила людям множество бед. В довершение, после возвращения она стала странно себя вести. Не интересовалась женихами, хотя вошла в возраст, когда женщины в поселении уже имели детей. Ни с кем не общалась, даже когда готовила еду под навесом. После возвращения волосы Эвы из рыжих превратились в седые. Вдобавок она начала их коротко стричь, хотя девушке полагалось иметь длинные, иначе из чего она будет делать родным подарки? Отношение к ней усугублялось тем, что она была худа и стройна. Бабы под навесом, одна другую перебивая, авторитетно заявляли, что такая худышка на втором ребёнке «закончится», тогда как женщинам приходилось много рожать. Смерть в поселении была частым гостем.

До того достопамятного нападения зверей к Эве относились что называется «никак». Если и замечали, то сразу вспоминали бабу, будто Эва в ответе за её прегрешения. Ди никогда не обращал внимания на пересуды в адрес подруги. А когда слышал подобное в собственном доме, то вступал в ожесточённый спор, с пеной у рта доказывая, что Эва – лучшая из девушек. Несколько раз даже бывало, что, отстаивая честь подруги, со сверстниками дрался.

Но всё изменило возвращение.

Из-под навеса быстро расползлись слухи, что бабка перед смертью передала знания внучке. Женщины припоминали слышанные от родителей истории, беззастенчиво приукрашали моментально придуманными событиями. В итоге, меньше чем за Сезон, Эва приобрела такую зловещую репутацию, что любую другую давно бы изгнали, но она осталась единственным живым родственником престарелого оружейника. А мастерство этой семьи требовалось поселению как воздух.

Секретами ремесла делиться не принято. Все семьи привыкли выполнять свои обязанности. Еду под навесом делили на количество домов – каждый рот в доме был на счету. При дележе продовольствия, которое тоже проходило под навесом, бывало, что бабы друг дружке выдирали не один клочок волос. На подсознательном уровне никто не хотел кормить бездельников.

Потому и в гости ходить было не принято. Даже детей женить старались внутри семьи. Если этого не получалось из-за близкого родства, то выдав дочь, приходилось очень быстро забывать о ней. По сложившимся традициям, невестка также должна была забыть об отчем доме и полностью сконцентрировать внимание на новой семье. Из-за этого девочек премудростям профессий не учили.

От женщины требовалось, чтоб рожала, следила за хозяйством, еду готовила. В истории поселения бывали случаи, когда девушки не могли выйти замуж, либо оказывалось, что родить они не могут. Тогда женщина становилась для дома обузой.

Эве пришлось быстро постигать семейную науку. В её обязанности входило изготовление пороха, патронов, ремонт оружия, а также изготовление нового, вместе с семьями столяров и литейщиков. В мёртвом городе оружия не было. Либо его растащили в первые дни катастрофы, либо оно и вовсе было под запретом.

Ди немного прошёл и обернулся. Она смотрела вслед. От этого взгляда у него по коже побежали мурашки, показалось, что бывшая подруга его оценивает, словно зверь перед нападением.

– Да чтоб тебя! – прошептал разведчик и прибавил шаг.

Первые жители соорудили поселение на окружённой небоскрёбами, гигантской площади мёртвого города. В центре располагалась одна из трансформаторных подстанций. Уникальная в своём роде. Все здания в городе имели солнечные батареи на крышах. На западе, между городом и горами, находилось огромное количество ветряных электростанций, из-за чего рождалась аналогия с Садам. Также эту территорию иногда называли Снежной преградой из-за сильного ветра и поднимаемого им снега. Вся энергия от солнечных батарей и ветряков благодаря подземным кабелям попадала в трансформаторную на площади, откуда уже расходилась по нуждам города. Первые поселенцы убрали с площади все ненужные постройки и вокруг оставшихся сооружений выстроили поселение, которое изначально мыслилось как круглое, но в итоге приобрело овальную форму. Электроэнергию же перенаправили с города на собственные нужды.

Вокруг трансформаторной находились хозяйственные постройки, где выращивали еду – лишайники, мхи, осоки, луговики, а также содержали отловленных оленей, которых забивали накануне Периода Бурь. По соседству находился навес, где женщины в очагах на открытом огне готовили еду. Самое трудное при этом – разжечь огонь, так как древесина из окрестных рощиц промёрзла насквозь. Даже оставленные угли иногда не могли воспламенить её.

Проходя мимо трансформаторной, Ди бросил привычный взгляд на закрытую дверь в надежде, что она откроется, и ему удастся что-нибудь разглядеть. Но она оставалась закрытой. Ди с сожалением вздохнул.

Право входа в здание трансформаторной подстанции имели лишь самые опытные члены семьи электриков. И все судьи, естественно. Остальным, под страхом изгнания из поселения, запрещалось входить внутрь. Как утверждали судьи, любой неосторожный поступок внутри здания мог привести к тому, что всё поселение окажется без электричества, а это, в свою очередь, грозило неминуемой смертью. Кроме того, внутри всегда дежурил один из судей и за ним сохранялось право отключить энергию какой-либо семьи при малейшем неповиновении.

К каждому дому были протянуты кабели, вмурованные первыми поселенцами в стены. Внутри торчало два оголённых конца, к которым намертво присоединялись приборы, необходимые в работе каждой семьи. Большинство жителей боялись электричества как огня. Не

видели его, не понимали принципа действия, но знали, что оно убивает. Бабы с детства страшили детей рассказами про торчавшие из стен провода. Так же, как пугали когда-то и их, чтобы не подходили к невидимому убийце. В итоге, поколение за поколением люди вырастали и боялись электричества. А к семье электриков относились с большим почтением и уважением, за каждую, пусть даже мелкую и незначительную работу, старались отблагодарить.

Главное приспособление в каждом доме – электроводонагреватель, в быту именуемый просто печкой. Он выполнял сразу несколько функций: отапливал, давал питьевую воду, а в Период Бурь в его чане готовили еду. Каждый ребёнок знал, что отопительная система не должна стоять без воды – чревато её поломкой. И каждый ребёнок знал, что снег по мере надобности, надо закидывать в чан вне зависимости от того, говорили взрослые это делать или нет. Судьи рассказывали, что первые поселенцы привезли с собой для отопления какие-то «спиральки». Когда же они сломались, было предложено отапливаться дровами. Но, поразмыслив и посчитав, пришли к выводу, что при таких расходах им вскоре нечем будет восстанавливать стены. Дерево не пребывало, а тратить его приходилось и так много. В итоге, была предпринята колоссальная работа по проектированию, разработке и сборке электроводонагревателей, а также всей системы отопления в каждом доме и хозяйственных постройках.

Легенда, которую в поселении впитывали с молоком матери, гласила, что предки жили в тёплом месте, где отсутствовали звери, а пищи было вдосталь. И находилось это место под таким же мёртвым городом за океаном. Однако, по каким-то причинам, людям пришлось уйти. Вот здесь в легенде и начинались серьёзные расхождения. Одни утверждали, что там появились звери, которые попросту выгнали людей. Другие говорили, что появились какие-то механизированные смертоносные приспособления. Третьи стояли на том, что от города исходило излучение страшной поражающей силы, и когда это выяснили, пришлось оставить его немедленно. Четвёртые настаивали, что люди вообще ниоткуда не приплывали, а всегда жили в этом поселении посреди мёртвого города. Как бы там ни было, но если кто и помнил достоверные ответы – так это семья судей. Однако делиться секретом с другими они не спешили.

Мимо Ди с визгами и смехом пробежала толпа малышей. Они играли в нападение зверей. Следопыт отметил, что среди них, как обычно, нет ни одного судейского ребёнка. Тут же его мысли перекинулись на Сию – дочь главного судьи, и он завертел головой в тщетной надежде увидеть её где-нибудь поблизости. В Сию были влюблены почти все мальчишки его возраста и каждый тешил себя призрачной надеждой, что именно он – единственный достойный кандидат.

С семьёй судей породниться мечтали все, но они выбирали лишь наиболее умных и успешных. Члены этой семьи были главным и непререкаемым авторитетом. Именно они осуществляли контроль общественных работ в хозпостройках. Для этого был составлен график, по которому каждый из домов привлекался на три дня к работам. Сколько выходило людей никого не интересовало – важен результат. Зачастую приходилось работать всем, начиная от детей и заканчивая стариками. От работ освобождались лишь главы семей и сами судьи, а для бойцов было послабление. Каждый из их домов работал по одному дню, один за другим. В итоге трудились лишь женщины сразу всей семьи, а мужчины занимались своими прямыми обязанностями – охраной периметра и наблюдением за порядком.

Также судьи хранили и распределяли материальные ценности поселения. Выдавали каждой семье норму профильной работы, согласно потребностям остальной общины.

Они же возглавляли Совет, и решали вопросы о том, виновен человек, или нет.

Резкий порыв ветра со снегом оборвал размышления Ди, забираясь под одежду и напоминая, что нужно наконец отчитаться о невыполненном задании. И чем скорее он это сделает, тем раньше сможет вернуться домой в тепло.

Изредка кто-нибудь из жителей поселения, наслушавшись разнообразных сказок и преданий, пускались на поиски мифического рая за океан, откуда по поверьям приплыли первые поселенцы. Надежда или безысходность заставляла людей отправляться в эти загадочные и

опасные предприятия. Находили ли они то, что искали, оставалось тайной, ведь обратно никто не вернулся.

Океан никогда не замерзал, в отличие от глубоко врезавшегося в материк залива в северной части города. Предполагали, что по льду, который растаивал лишь к середине Сезона, эти искатели рая добирались в соседний город, а из него, как гласила легенда, по гигантскому мосту можно было попасть на другой континент. Правда это или нет, могли знать лишь судьи.

По периметру поселение обнесли высоким частоколом с вмонтированными в него стальными листами и прорезанными в них бойницами. Кто и когда предложил вставлять эти листы металла, уже никто не помнил. Последующие поколения посчитали это глупостью и постепенно их убрали. Но даже такие меры предосторожности не спасали от набегов зверей, которые почти всегда находили способ продрасться внутрь.

Судьи говорили, что первые поселенцы пытались соорудить забор из крупного городского мусора, но звери его с невероятной лёгкостью сталкивали или по нему же забирались внутрь. Вдобавок для постройки такой стены требовалась техника, которая уже при первых поселенцах была древней. В итоге приняли решение строить деревянную ограду. Ведь, в конечном счёте, никакой забор не мог остановить зверей в их ненасытной жажде человеческой крови.

Днём люди не боялись выходить на улицу. Холод хоть и кусался, но солнце не давало околеть. С приходом же темноты из домов никто не выходил. Даже звери не нападали по ночам.

Самое страшное событие в жизни поселения и всей планеты – Период Бурь. В это ненастное время на улице выжить практически невозможно. Температура на планете даже в самые тёплые дни не поднималась выше минус тридцати пяти. В Период Бурь она падала до минус восьмидесяти и ниже. Вдобавок поднимался сильнейший ветер.

И так текло время из поколения в поколение.

Из жизни в жизнь.

* * *

Ди быстро выкинул из головы встречу с Эвой. Весело шагая вперёд, приветливо здоровался со встречными.

– Эй, Вэлдис! – окликнул бойца, вышедшего из своего дома. – Как дела?

Вэлдису, молодому парню, совсем недавно женившемуся на бойкой девице, при последнем нападении зверей оторвали левую кисть. И он радовался такому везению. Правая-то рука не затронута, а значит, не будет обузой.

Чтоб жениться, согласия родителей мало. Требовалось получить разрешение Совета, куда входили главы двенадцати семей. В девяти из десяти случаев разрешение было обыкновенной формальностью, но иногда главам семей всё же приходилось спорить, отстаивая чьё-то право на взаимную любовь.

– Думаю, не свернуть ли тебе шею?

– Какие мы грозные! – покачал головой Ди. – У тебя что, кисть отросла?

– Тебя, Мясо, я и одним мизинцем убить смогу, – рявкнул Вэлдис. – Проваливай, пока цел! – молодой боец сделал несколько устрашающих шагов, а разведчик, на всякий случай, отбежал.

Семье бойцов из тридцати трёх домов в поселении принадлежало девять. Они располагались в центре, пять по одну сторону хозпостроек и четыре по другую. На крик из всех соседних домов повываливали остальные бойцы. Они – самая многочисленная семья – старались держаться друг друга. Впрочем, как и остальные.

– Эй, Мясо, ты чего тут бродишь?

– Мясо, на ужин попасть захотел?

– Мясо, когда ты уже хоть какую-то пользу принесёшь?

Ди не обращал внимания на обидные выкрики. Бойцы постарше вернулись в дома. Молодёжь продолжала упражняться в остроумии. По юношеской наивности он заглянул под навес. Рассчитывал встретить там Сию. Но она под навес в такую рань никогда не приходила. Зачем дочери главного судьи сразу после сна утруждаться работой?

Многочисленные бойцы охраняли периметр, часто сопровождали людей за частокол. Они гордились тем, что умели умирать. Их с детства учили обращению с оружием, а боевым крещением становилось убийство зверя ножом. Женщины бойцов тоже не отличались покладистостью характера. Именно они зачастую устраивали под навесом склоки, имевшие порой самые отягчающие последствия.

Помимо бойцов были и другие большие семьи – литейщики, столяры, электрики и охотники. Все они занимали по три дома. Литейщики занимались изготовлением разнообразных стальных предметов. Столяры мастерили и ремонтировали деревянные изделия. Электрики следили за ветряками и любыми неисправностями проводки. Охотники занимались рыболовством, ловлей оленей, охотой на моржей и пингвинов.

Остальным семьям в поселении досталось по одному дому.

Лекари и повитухи жили в самом маленьком домике слева от семьи судей. Справа, в большом доме жил оружейник с единственной выжившей дочерью – Эвой. Для многих оставалось загадкой, как они вдвоём успевали справляться со всеми обязанностями: ремонтировать оружие, изготавливать порох и патроны.

В истории поселения были попытки свергнуть власть судей, но закончились они плачевно. Бойцы были самой привилегированной семьёй из всех. И главную обязанность – охрану власти – исполняли дотошно.

Ко всему прочему дом судей немного отличался от остальных, фактически однотипных. Он был намного больше и имел подземную комнату, о которой ходило множество слухов. Сами же судьи утверждали, что ничего загадочного в этой комнате нет, и она используется как кладовая. Однако внутрь никого не пускали.

Ди уже подходил к дому одёжников, когда боковым зрением уловил, что Эва идет за ним. Вокруг царило оживление, люди сновали туда-сюда по делам, из-под навеса доносились голоса баб. Следопыт испугался, что кто-нибудь мог тоже заметить преследующую его Эву, и уж тогда бы точно поползли слухи. Увеличивая расстояние, Ди ускорил шаг. Дверь соседнего дома открылась, выпуская нескольких женщин семьи одёжников, следопыт оглянулся, но Эвы уже не было. Он с облегчением вздохнул и отправился дальше. Показалось. Она просто шла под навес.

Семья одёжников с трудом помещалась в один дом. Однако когда на Совете Дидли, главный судья, завёл вопрос о расселении, то услышал категорический «нет». Глава семьи наотрез отказался селиться в нескольких домах, сославшись на то, что они живут в тесноте, да не в обиде. Семья занималась тем, что шила одежду и обувь для всего поселения из шкур животных – в основном оленей и моржей. Изредка у охотников получалось забить самого страшного хищника – медведя, на которого даже звери не нападали, и тогда к одёжникам выстраивалась очередь на вещи из его шкуры. Ходило поверье, что вещи, сделанные из шкур медведя или зверей, приносят удачу. И лишь главы семей, судьи и особо выделившиеся бойцы имели право носить такую одежду. Также одёжники занимались изготовлением простыней, пелёнок и прочих хозяйственных принадлежностей из материала, который разведчики находили им в городе.

Соседний дом строителей-ремонтников был окружён горами всевозможного хлама, где иногда поутру находили заколоченный труп кого-нибудь из односельчан. Нередко бывало, что, отправившись вечером за добавкой к самогонщикам, соседям ремонтников, домой человек не возвращался. Противное пойло, варимое семьёй самогонщиков, по вкусу напоминало прелые

опилки. Да и цвет имело соответствующий – мутно-коричневый. Поговаривали, что именно из опилок его и гнали. Но для некоторых эта противная жидкость была в жизни самым главным.

Один из домов занимала многочисленная семья мусорщиков. Вся грязная работа, естественно, доставалась им. Позади каждого дома имелаась пристройка. В ней человек справлял естественные надобности, а потом, при помощи специальной блочно-поворотной конструкции выбрасывал всё наружу. Уборкой этой замёрзшей субстанции мусорщики и занимались, попутно убирая любой другой сор. Почти вся семья беспрерывно нахаживала к самогонщикам и трезвыми их редко кто видел.

В эти две семьи, самогонщиков и мусорщиков, по доброй воле не попадали. Если человек пристращался к пойлу и переставал работать, то его выгоняли из семьи. В таком случае оставалось либо уйти из поселения, либо присоединиться к этим двум семьям. Но если человек и там переставал работать, то решением Совета его уже навсегда выгоняли из поселения.

Небольшую семью составляли гончары. Они были бесконфликтными и неприметными – тихонько изготавливали посуду. Поэтому в поселении о них ходили нехорошие байки. Некоторые бабы договорились даже до того, что начали утверждать, будто вся семья ночью превращается в зверей, днём же вновь меняют облик на человеческий. Люди со здравым рассудком на подобные домыслы баб не обращали внимания.

Ди принадлежал к малочисленной семье разведчиков. Он – младший ребёнок в семье и поговаривали, что престарелая мать при родах чуть не умерла. Она родила восемнадцать детей, но выжили лишь пятеро. Загадочной легендой дома разведчиков была пропажа Виры – первенца. Дочь попросту исчезла накануне свадьбы, и сколько отец не пытался её найти, ничего не вышло. Будто в небо взмыла. К тому времени как Ди подрос, папа сильно одряхлел. Старших сыновей он успел обучить особенностям профессии. Младшему не досталось практически ничего. Те крохи знаний, которыми Ди обладал, дались случайно. Кое-что подсмотрел у братьев, до кое-чего добрался через собственные шишки. И лишь в последнее время отец взялся за обучение младшего сына чтению карт. В итоге Ди научился читать их не хуже Гтирера – старшего брата и великолепного разведчика.

Три дома в поселении пустовали. За один из них несколько Сезонов спорили литейщики и бойцы. В этом препирательстве, несколько раз доходившем до побоища, не смогли помочь ни судьи, ни Совет, где по этому поводу тоже пару раз вспыхивали драки. Второй дом находился на ремонте, после нападения зверей. Семья столяров, которая там жила, временно переехала к родственникам. Третий – лишь частично сохранившийся каркас. Поговаривали, что по ночам там можно увидеть призраков бывших хозяев – семьи свечников. Их дом, вместе с обитателями, сгорел ночью. Наутро люди обнаружили остов и обуглившиеся трупы. Судьи утверждали, что Ни-Диидо, спившийся глава семьи, устроил пожар. Единственное, чем жителям запомнились сгоревшие заживо люди, так это загадками, которые оставили. Бабы под навесом нет-нет да начинали гадать, а почему ни один человек так и не проснулся во время пожара.

Уничтожение семьи свечников поселение не особенно-то и заметило, как и исчезновение некоторых других семей задолго до этого. Разве что свечи всем пришлось изготавливать самостоятельно из жира моржей, который добывала семья охотников.

За время существования поселение потеряло много людей. Но самыми значимым было разделение, как прозвали в поселении событие, произошедшее в начале прошлого Сезона. Сразу после первого, традиционного, нападения зверей, около ста людей из различных семей бесследно и бесшумно пропали. Произошло это под утро, когда поселение спало крепким сном. Даже брат-близнец отца Ди вместе со всей многочисленной семьёй исчез. Оставшиеся жители догадывались, что бродившие слухи, якобы за горами теплее и нет зверей, в итоге, нашли поклонников. Их возвращения ждали целый Сезон. Но обратно не вернулся ни один человек. Судьи объявили всех, покинувших родной дом, глупцами и о них постепенно забыли.

Ди весело насвистывал незатейливую мелодию, глядел по сторонам и бессмысленно улыбался, просто оттого, что настроение хорошее. Ему следовало отчитаться перед главою семьи строителей-ремонтников, по проваленному заданию. Но молодого разведчика это совершенно не заботило. Он как раз поглядел на голубое и безоблачное небо, которое бывает лишь перед Периодом Бурь, когда над поселением разнёсся страшный звук – троекратный свист наблюдающего.

А это означало нападение зверей.

На несколько мгновений Ди окаменел. По округе, волной отражаясь от небоскрёбов, разнёсся вой Вожака. С минуты на минуту звери начнут атаковать поселение. Ди изо всех сил побежал к дому.

«Только б успеть!» – засела в голове единственная мысль. Без оружия на улице у него не было шансов выжить.

Донёсся первый выстрел – наблюдающий с одной из стен пальнул по зверям. Одновременно из всех домов начали выбегать мужчины. Обвешанные оружием бойцы, заняли ключевые точки. Перешучиваясь, будто собрались на увеселительную прогулку, они приготовились броситься туда, где произойдёт прорыв. Остальные побежали к стенам. И лишь женщины, да самые старые с самыми молодыми остались внутри домов.

Первый удар обрушился на стену, когда Ди подбежал к навесу. До дома остались считанные шаги. Он поскользнулся и с разбегу грохнулся лицом о каменную поверхность площади. Вскочил настолько резво, будто сила тяжести изменила направление. Ноги сами понесли дальше. Текущую из разбитого носа юшку даже не заметил. Выстрелы слышались по всему периметру поселения. Разведчик подскочил к двери. Дёрнул – закрыта.

– Откройте, это я! – завопил Ди, тарабани кулаками. – Откройте!

Прошла вечность, перед тем как заскрипел засов. Ди дёрнул дверь, не дожидаясь, когда ему отворят. В доме остались лишь женщины да дети. Даже отец, отказываясь признавать старость, взял оружие и отправился на улицу. Гтирер даже сказал перед выходом: «Ты, старый, вообще из ума выжил?!». Главный разведчик не ответил старшему сыну. Взял винтовку с оптическим прицелом, наследие первых поселенцев, и ушёл.

Дверь открыла Тири – жена старшего брата – полная и симпатичная женщина, несмотря на то, что глаза косили в разные стороны. Всех детей и больную свекровь невестки спрятали на чердак. Сами столпились перед дверью с ножами наизготовку. Лишь в руках Тири было длинное ружьё. Раньше оружие использовалось Гтирером, но когда один из стволов разорвало, навсегда переключало в дом для обороны.

– Ты чего здесь делаешь? – в раскосых глазах невестки скользнуло презрение. – Все мужчины на улице.

– Мой обрез, – пробормотал Ди, пытаясь обойти тучную Тири. В каждое нападение, он с обрезом забирался под тяжёлую лавку, на которой обычно спал и бесшумно там лежал до тех пор, пока звери не уходили.

– Ты не слышал меня? – невестка толкнула деверя прикладом в грудь. – Все мужчины на улице! Защищают родных! А у тебя кровь из носа идёт от страха! Опять под свою лавку юркнуть собрался?!

– Ты не слышала меня?! – закричал молодой разведчик. – Я обрез забыл!

Тири дала ему пощёчину. Если учесть, что рука у неё тяжелее, чем у некоторых мужчин, то пощёчина вышла, как удар кулаком.

– Не ори на меня, Мясо!

Ди пошатнулся и застыл. Захотелось ударить обнаглевшую невестку, но он не решился. Вряд ли брат простил бы такое отношение к жене.

Они несколько мгновений смотрели друг другу в глаза. Точнее Ди смотрел в косившие глаза невестки. Виида, жена Траана, вынесла обрез и горсть патронов.

Ди переломил оружие, вставил два патрона. В ладони осталось шесть.

– Дай ещё, – посмотрел в глаза Тири.

– Иди отсюда! – невестка с такой ненавистью толкнула, что он кубарем выкатился из отчего дома.

Стрельба слышалась уже внутри поселения. Слишком быстро на этот раз звери сломили оборону людей. Ди вскочил, привычным движением взвёл курки. После покрутил головой, решая в какую сторону бежать, чтоб спрятаться. Но выстрелы гремели отовсюду. Оборону провалили со всех сторон.

Разведчик застыл в нерешительности. Одно дело если за тобой гонятся звери – там приходится бороться за свою жизнь. И совсем другое, когда по собственной воле надо идти навстречу этим когтистым созданиям. Оставаться перед домом нельзя – засмеют. Ди чуть-чуть постоял, раздумывая.

«А может плюнуть на всё и остаться тут? – пронеслась мысль. – Всегда можно сказать, что охранял ту ораву детишек, которую наплодили четыре старших брата!»

Внутри кольнуло, будто предупреждая, что совершает роковую ошибку. Где-то совсем рядом, как показалось Ди, за домом, прогрехотал двойной выстрел. Молодой разведчик, крепко зажав в левой руке патроны, направился посмотреть, кто стрелял.

За углом двое зверей на задних лапах прижали молодого бойца к стене. У одного из разодранного выстрелом бока текла кровь, но он такой пустяк даже не замечал. Боец не опускал оружия, однако и не стрелял.

«Закончились патроны» – догадался Ди.

Вероятно, и звери это поняли. Переглянувшись, начали медленно и осторожно надвигаться, ожидая от человека любого подвоха.

– Стоять! – крикнул боец. В его глазах молодой разведчик не увидел страха, лишь желание дороже оценить собственную жизнь. Смерть смотрела ему в лицо, но не в душу.

На несколько мгновений звери застыли, но потом продолжили движение. Боец бросил ружьё и выхватил длинный тесак.

– Ну, я сейчас вас... – пробормотали его губы.

Ди вскинул обрез. Руки дрожали и палец случайно нажал оба спусковых крючка. Дробь из двух стволов попала в раненного зверя. Тот захрипел и медленно опустился на землю. Второй моментально переключился на большую опасность. В два прыжка преодолел разделявшее расстояние. Замахнулся когтистой лапой...

Ди одеревенел не в силах пошевелить ни единым мускулом. Воображение подкинуло картинку, как его голова, оторванная мощным ударом, катится по снегу...

Ударить зверь не успел. Из груди с чавкающим звуком появилось остриё тесака. Зверь округлившимися глазами посмотрел на него, затем на Ди. Вновь посмотрел на тесак и аккуратно потрогал когтем окровавленное лезвие. И лишь после этого его глаза закатились, и он грохнулся замертво.

– Спасибо, Мясо, – боец подобрал ружьё. – Сегодня ты как никогда полезен. Повзрослел? – подошёл, вытащил тесак из трупа. – Беги, прячься. Здесь твоя помощь больше не нужна.

Боец презрительно улыбнулся и побежал к своему дому, за боезапасом.

Ди попытался запихнуть новые патроны. Руки не слушались, а патроны будто разбухли и в стволы никак не попадали.

Раненный в оба бока зверь вяло пошевелил лапой. Ди чуть обрез не выронил от страха. Зверь медленно и тяжело поднялся. Разведчик с открытым ртом смотрел на него. В голове вертелось «Стреляй! Чего ты ждёшь?!», но Ди не мог и рукой пошевелить из-за странного оцепенения. Зверь покачнулся, но на задних лапах устоял. С удивлением посмотрел на застывшего человека, будто спрашивал: «Ну и чего застыл? Стреляй уже!». Затем шагнул навстречу.

Внезапно наваждение прошло. Патроны заняли места в стволах. С щелчком захлопнулось оружие. Ди взвёл курки. Спусковые крючки нажались мягко. Зверь дёрнулся. Грудь разворотило, но он удержался на лапах. Сделал несколько шагов к человеку и лишь после рухнул в снег.

Молодой разведчик посмотрел на четыре патрона, оставшиеся в ладони.
«Бывало и хуже», – попытался успокоиться любимой присказкой отца.

* * *

Звери проломили ограду с трёх разных сторон. Ди побывал у всех, нигде подолгу не задерживаясь.

«Главное помелькать, – решил молодой разведчик. – А там можно и хвастать, что везде поспел!».

Самый сильный прорыв был у дома строителей-ремонтников. Но там помогали естественные укрепления, в виде гор всевозможного хлама. Там Ди израсходовал два патрона, но оба раза промазал. Примелькавшись, и даже перекинувшись парой ругательств с несколькими защитниками, побегал по второму кругу, обходить бреши в стене. Добравшись до пролома за домом литейщиков, застыл как вкопанный. Сердце стучало в рёбра, будто ему надоело сидеть в тесной клетке. Защитников не было – их либо уволокли, либо убили и уволокли. Валялось несколько ружей, оторванная рука, переломленный тесак – тот самый, что недавно пронзил грудь зверя.

– Да чтоб тебя! – вырвалось у молодого разведчика.

Подобная картина всегда означала приход Серого. Так люди называли крупного зверя с серебристой шкурой. Пули от него словно отскакивали, ножи не достигали цели, а он, тем временем, рвал людей в клочья. Даже поговорка бродила среди бойцов: «Увидел Серого – прощайся с жизнью». Единственное что радовало – нападал этот зверь на поселение редко.

Ди, попятившись назад, поскользнулся на замёрзшей луже крови. Мир крутнулся, и он увидел голубое небо, небоскрёбы, протыкавшие голубую высь. Высоко над крышами небоскрёбов кружила чёрная точка. Молодой разведчик решил, что это одна из огромных птиц, гнёзда которых встречались в горах, на западе от города. Он засмотрелся на чистое и прозрачное, как слеза ребёнка, небо. Ди никогда не видел такой красоты. Несколько самых древних стариков рассказывали, будто однажды такое уже было, но сразу после этого наступил Период Бурь.

Гремели выстрелы, доносились душераздирающие крики – Серый ворвался в поселение, началось истребление людей, а Ди лежал, смотрел на небо и размышлял, что самой большой несправедливостью будет умереть в такой прекрасный день.

– Привет, – раздался знакомый с детства голос. – Не помешаю?

* * *

Глава семьи разведчиков – Флор для своего возраста выглядел отлично, сказывался подвижный образ жизни и постоянные физические нагрузки. Хищные черты лица и седые волосы до плеч делали его привлекательным, несмотря на то, что многим женщинам детородного возраста он в отцы годился.

В этот раз главный разведчик не собирался защищать поселение. У него была задача намного важнее, только никому об этом не следовало знать.

Он взял снайперскую винтовку, передававшуюся в семье от главы к главе, и отправился к дому строителей-ремонтников. Там как раз был самый сильный прорыв. Бойцы успешно отбивались. Среди гор мусора, который собирался вокруг дома с момента прибытия первых поселенцев, можно было затеряться всем жителям деревни. И бойцы давно научились поль-

зоваться этими «естественными» укреплениями: заманивали зверей в определённые места и расстреливали в упор.

Флор подошёл с лицевой части дома, тогда как бой происходил с задней. Нырнул в один из проходов среди ненужного хлама, затем по узкому лабиринту, изредка перелезая через разнообразие преграды, прошёл до конца. Огромный ящик преграждал путь, но под ним была небольшая щель, где мог ползком пролезть человек. Флор опустил на живот и, толкая оружие перед собой, пробрался под ящиком. В пятачке свободного пространства лежал лист стали, под которым прятался подземный ход. Флор закинул винтовку на спину. Ледяной металл обжигал пальцы, пока глава разведчиков не скользнул под него привычным движением. Держась за металлические скобы, спустился глубоко вниз.

В подземном коридоре стояла крошечная тьма, но Флору свет и не требовался. Когда-то он уже исследовал этот узкий проход от начала и до конца. И если до начала идти было довольно прилично, то конец коридора находился совсем рядом – подземная комната судей.

Сверху слышались выстрелы, крики. Но здесь все звуки были тихими, будто доносились из-за океана. Главный разведчик, держась за стену, пошёл в нужном направлении. Когда-то давно он из молодецкой удали, уже пробирался в подземную комнату судей. И точно знал, что в ней лежит. Именно тогда он нашёл вещь, назначение которой не понял. Полжизни спустя узнал, что это самое ценное изобретение человека. И если бы он мог поменять доставшуюся от первых поселенцев снайперскую винтовку, на то, за чем шёл, то не задумываясь, сделал бы это.

Ещё несколько поворотов и Флор был у места назначения. Узкий коридор упирался в лист стали. Главный разведчик достал из сумки свечу, поджигалку. Вскоре подземный ход осветил скромный дрожащий огонёк, выхвативший из тьмы серые стены и лоток с кабелями, прикреплённый к одной из них.

Внезапно за спиной что-то грохнуло. Из-за бесконечного эхо узкого подземного коридора, разобрать с какого расстояния донёсся звук, не представлялось возможным. Флор несколько секунд постоял, прислушиваясь. Тишина. Тогда он присмотрелся к листу стали. Попробовал надавить. Ничего не вышло. Лист держался крепко. Поставил свечу на пол, стянул винтовку со спины и положил рядом со свечой.

Попасть внутрь требовалось любой ценой. При этом нельзя, чтобы кто-нибудь об этом знал – иначе всё предприятие теряло смысл.

Первый удар плечом главный разведчик нанёс не сильно. Только проверить, не громко ли будет. Над подземной комнатой дом полный людей, и если кто-нибудь из них услышит вибрацию металла, то непременно решит, что к ним пытаются пробраться звери.

А для Флора это не сулило ничего хорошего.

Лист глухо срезонировал, но этот звук не могли услышать наверху. Позади раздался шорох. Главный разведчик мигом подхватил оружие и, развернувшись, приготовился стрелять. Но свеча скупо освещала серые стены узкого коридора. Никого. Флор несколько секунд прислушивался. А затем положил оружие в ноги и ещё раз ударил плечом в лист металла ближе к стене. С четвёртого раза у него получилось отогнуть его настолько, чтобы протиснуться внутрь. Секунду подумав, винтовку он решил не брать. Врагов внутри нет и быть не может, а вот в случае если придётся экстренно убегать, она может помешать. Флор протиснулся между отогнутым листом стали и стеной.

Свеча была не в состоянии полностью осветить подземелье, куда попал главный разведчик. По размеру комната была точно не меньше дома судей. А, скорее всего, намного больше. В три стороны от неё уходили коридоры, заделанные стальными листами. Через один из которых Флор и попал. На четвёртой стене была закрытая массивная железная дверь с большой металлической ручкой-колесом. Вдоль всех стен, один на другом, стояли деревянные ящики средних размеров, в которых хранились излишки трудовой деятельности поселения.

Но также здесь лежала и вещь, за которой пришёл он.

За спиной слышался тихий-тихий и очень странный звук. Флор обернулся. Света не хватало, но и без того разведчик понимал, что в комнате не один. Хотя разум говорил обратное. Судей здесь нет. Они бы уже давно подняли такую бучу, что нападение зверей показалось бы отдыхом.

Тогда кто?

Флор списал всё на старость и расшатавшиеся нервы.

Где лежала необходимая вещь, он помнил. Не теряя времени, отыскал нужный ящик.

И вновь услышал шорох, но теперь точно знал откуда. В коридоре, откуда он и сам пришёл, определённо кто-то был.

Медальон золотого цвета по-прежнему лежал в углу ящика, под грудой когда-то новеньких ружей. Как и полжизни назад, Флор с замиранием сердца достал то, что побоялся забрать в свой прошлый приход. Тогда он не знал его назначения. И пусть с трудом и по слогам умел читать, как все в поселении, в полутьме подземелья он всё же смог разобрать надпись. Как и много-много Сезонов назад, так и сейчас, когда старость уже приблизилась на расстояние смерти, гравировка гласила: «Пропуск для двоих». В прошлый раз он положил медальон на место, а теперь повесил на шею. Ледяная цепочка обожгла. Из достоверных источников Флор знал, что это сверхпрочная цепь, а сам медальон, в том, прошлом мире, был бесценен. Такие получали лишь элита элит. Именно те, кто и заварил Последнюю войну.

Флор повернулся и с удивлением обнаружил, что он в подземной комнате уже не один.

Из-за листа стали, который главный разведчик отогнул, в тайник судей пробрался зверь. Это был не матёрый охотник, на котором ран столько же, сколько он съел людей. За Флором следил несмышлёный подросток.

Зверь чудом прорвался в поселение через пролом в стене. Пока старшие товарищи пытались перебить защитников, он смог пробраться глубже, туда, где по его представлениям, был рай из вкусов. Заметил человека, скрывшегося в горах разнородного хлама. Подростковое любопытство погнало зверя следом и в итоге привело в подземелья.

Человек обернулся. На миг в его руке что-то блеснуло, а затем зверь почувствовал в горле какое-то неудобство. Мир качнулся и он понял, что этот слабый и старый человечик его убил.

* * *

Эва легла рядом.

– Там убивают... – отрешённо пробормотала она.

– Знаю, – ответил Ди.

Дочь оружейника тоже засмотрелась на небо. Тоскливо вздохнула. До слуха обоих донёсся хруст ломающегося дерева, после истеричные женские крики.

– Не боишься умереть? – неизвестно зачем поинтересовался молодой разведчик.

– Умереть?! – усмехнулась подруга детства.

Они повернули головы, и их глаза встретились.

– Не боюсь, – ответила Эва. – Я знаю, для чего живу.

– Странная ты... стала.

– А ты не странный? – поинтересовалась дочь оружейника. – Пытаешься убивать зверей, чтоб защитить людей. А чем твои люди лучше этих зверей?

Ди посмотрел долгим взглядом на подругу. В голове завертелся ворох мыслей, но оформляться в слова не пожелал. Вспомнилась многочисленная болтовня невесток, вернувшихся из-под навеса. Каждый раз они перемывали кости всему поселению. Про Эву, после недавнего возвращения от зверей, поначалу много говорили. В основном гадости. Поговаривали, что она со зверьми общается. Как когда-то Давина, её бабушка.

Ответить разведчик не успел, послышался женский визг. Ди с Эвой одновременно вскочили.

– Пойдём отсюда, – потянула подруга детства за рукав.

– Крик знакомый... – поделился Ди догадкой. – Кажется...

Из-за дома на задних лапах вышел зверь. За волосы он тащил Тири, жену старшего брата. Женщина извивалась и визжала. Зверь заметил людей. Бросил взгляд на опущенное оружие в руках разведчика. Одновременно Ди поднял обрез, а зверь, дёрнув Тири за волосы, прикрылся ею, как щитом. После продолжил движение к пролому в стене.

Невестка увидела деверя, хотела попросить о помощи, но осеклась. Ди целился в неё. От страха Тири не понимала, что из неё сделали живой щит, а родственник, которого она совсем недавно выгнала умирать, теперь единственная надежда.

– Чего ты медлишь? – прошептала Эва. – Или стреляй... Или отойди, не мешай ему уйти.

Ди очень хотелось отойти. Обида ещё не притупилась.

– Дай ему уйти, ведь если ты выстрелишь, всё равно попадёшь в неё! – зашептала Эва.

Ди и сам прекрасно понимал, что не сможет выстрелить, ведь специально отпилил стволы для большего распада дробы. А никто не поверит, что он не собирался стрелять в Тири, с которой до этого поссорился. Эву слушать не будут – сумасшедшим не верят. А невестка, если выживет, и сама с удовольствием подтвердит, что Ди стрелял в неё – отличный повод избавиться от лишнего рта в доме.

– Давай отойдём, – подёргала за рукав Эва. – Он её утащит, и никто не узнает, что ты не помог!

Зверь вцепился в добычу крепче смерти. Толстая, упитанная женщина – лакомый кусочек. К тому же она могла быть беременной (в поселении считалось нормальным, когда округлившийся живот не был виден). Ди посмотрел в раскосые глаза. В них застыла мольба о помощи. Молодой разведчик прицелился. От одного движения зависела его и её жизнь.

– Не стреляй, – голос Эвы охрип. – Тебя же сожрут, если убьёшь и её! Не стреляй!

Зверь вдоль частокола почти подобрался к пролому. Ещё немного и скрылся бы с добычей в мёртвом городе, но Ди нажал спусковой крючок.

* * *

Гтирер, старший брат Ди, встретил нападение зверей на частоколе. В какой-то момент ему показалось, что выстрелов по округе разноситься стало меньше. Прислушавшись, понял – так и есть. Со стороны дома строителей-ремонтников стрелять прекратили.

Спуститься с площадки частокола для рослого и крепкого мужчины было делом нескольких секунд. Оказавшись на земле, он поправил шапку. Несколько прядей русых волос выбились из хвоста. Гтирер заправил их за уши. Проверил количество оставшихся патронов в сумке. Идти к месту прорыва очень не хотелось, внутри засело чувство тревоги. Но разведчик любил находиться в гуще событий, чувствовать адреналин в крови и выпускать на волю ярость. Опасность возбуждала сильнее женщин. Именно поэтому он всегда старался взять самые сложные задания.

Из-за этих странностей некоторые в поселении принимали его за сумасшедшего. Другие уважали. Третьи боялись. Однако все сходились во мнении, что Флор, старший разведчик, подготовил себе достойного приемника.

Вдоль забора лёгкой трусцой Гтирер побежал к пролому, откуда больше не доносились выстрелы. За домами бойцов замедлился, предчувствуя что-то нехорошее. А собственным чувствам он привык доверять – они спасали там, где ничто другое было не в силах.

Из-за угла, словно поджидал человека, появился Серый. У Гтирера на несколько мгновений захватило дух. Он никогда не считал себя маленьким. Лишь несколько бойцов могли

похвастаться такой же комплекцией и силой, которые разведчик частично унаследовал, а частично натренировал. Но по сравнению с Серым он почувствовал себя маленьким мальчиком, сбежавшим из-под присмотра взрослых. Зверь был на две головы выше и в несколько раз шире. Раньше Гтирер видел его лишь издалека, и он не казался настолько огромным.

«Встретил Серого – прощайся с жизнью» – сама собой вспомнилась поговорка, когда он увидел, что передние лапы неожиданного противника в крови.

Зверь улыбнулся, если можно так назвать оскал, которым он одарил разведчика. В разноцветных глазах заплясали огоньки. Гтирер бросил ружьё и выхватил нож. Об умении Серого «уходить» от пуль он был наслышан вдоволь, потому полагаться решил только на собственные умения.

Солнце заиграло на лезвии небольшого ножа. Зверь ещё сильнее заулыбался и потёр лапы, предчувствуя развлечение.

– Ты чего такой довольный? – Гтирер сам удивился тому, что не почувствовал страха, лишь каменную уверенность в собственной победе. – Думаешь, легко меня будет взять?

Атака зверя была молниеносной. Но разведчик оказался быстрее. Наклонившись, он проскользнул под лапами Серого, одновременно собирался выпустить нападавшему кишки.

В этот момент оба противника и убедились, что впервые им достался враг равный по силе.

В последний миг перед тем, как лезвие должно было впиться в кожу, Серый сумел вывернуться. Он даже попытался достать Гтирера лапой наотмашь, но разведчик за момент до этого отпрыгнул.

Они застыли друг против друга, впервые не решаясь напасть. Короткая схватка без единой кровинки показала обоим, чего они стоят. Зверь привычным движением собирался распороть человеку ярёмную вену, Гтирер же не единожды вспарывал подобным движением брюхо сородичам Серого.

– Чего стоишь? – поманил разведчик противника. – Нападай давай!

Зверь встал на четыре лапы и начал приближаться боком. Гтирер знал этот манёвр. Из него звери могли перейти как в защиту, так и в нападение. Он перекинул нож в левую руку. Правая должна быть свободна, чтоб успеть схватить нападавшего за шею. Удушить зверя одной рукой для человека нереально, но выиграть несколько секунд, пока тот будет клацать зубами, пытаясь дотянуться до лица жертвы, вполне возможно. А за это время зверь и сам превратится в выпотрошенную жертву.

Но Серый не сделал решающий бросок, как все его сородичи. Вместо этого он прыгнул человеку под ноги, намереваясь сбить его, а в следующую секунду оказаться сверху и, наконец, разорвать шею.

В последний момент Гтирер успел подпрыгнуть. Едва коснувшись земли, он кувыркнулся вправо и принял оборонительную стойку. Зверь же прыгнул на место предполагаемого падения противника и вновь, с удивлением, никого не обнаружил. Теперь он посмотрел на разведчика другими глазами.

– Чего смотришь разноцветными блямбалками? – Гтирер не терял бдительности и внимательно наблюдал за движением каждого мускула огромного противника. – Еда не по зубам?

Однако Гтирер понимал, что ещё никому в поселении не удавалось выстоять против этого зверя. У него же был шанс. И эти слова раззадоривали, придавали смелости.

– Теперь моя очередь нападать, – разведчик перекинул нож в правую руку.

На лице зверя промелькнуло удивление, когда понял, что один из тех, кого он привык рвать, словно младенцев, собрался атаковать. Гтирер на согнутых ногах начал приближаться, чтоб рассеять внимание зверя принялся крутить нож между пальцев. Знакомый и выверенный приём, которому отец научил ещё в детстве. Противник отвлекается на играющее бликами лезвие, потом соображает, что из такого положения вновь схватить нож за рукоятку будет

неудобно, а, главное, долго. И нападает, не позаботившись о защите. Никогда этот приём ещё не подводил, ведь никому из бывших противников не приходило в голову, что раз человек мастерски крутит нож между пальцев, то он потратил годы тренировок, чтобы этому научиться. А, значит, сможет схватиться за рукоятку в любое мгновение.

Серый встал на задние лапы и приготовился к любым выпадам. На нож, к сожалению Гтирера, он не обратил ровным счётом никакого внимания, бдительности, как ожидалось, тоже не потерял.

– Да ты я вижу...

Разведчика перебил протяжный вой. Где-то вдалеке послышался звон разбившегося стекла. Выстрелы утонули в этих мощных звуках. Зверь резко отпрыгнул назад. Встретившись взглядом с человеком, он на несколько мгновений застыл. В его разноцветных глазах Гтирер увидел замешательство, удивление, сомнение. Но одного и самого главного, что он хотел увидеть, там не было.

Отсутствовал страх.

Глаза Серого словно говорили: «Сейчас ты меня, конечно, порадовал, хорошо поиграли, но в следующий раз всё будет по-настоящему». А встречаться ещё раз разведчик хотел меньше всего.

Зверь опустил на четыре лапы и помчался к пролому в частоколе. Гтирер перехватил нож за лезвие, и, коротко взмахнув рукой, отправил в полёт. Нож должен был воткнуться зверю точно между лопаток и перебить позвоночник. За миг до соприкосновения с ножом Серый, даже не сбавив скорости, совсем чуть-чуть пригнулся. Нож пролетел у него над головой и наполнив лезвием частокол.

– Вот падаль! – хлопнул себя по бедру Гтирер.

Зверь же обернулся и презрительно глянул на человека, мол, все вы люди такие, только и можете, что бить в спину.

* * *

Лишь благодаря чуду ни одна дробинка не задела Тири. Зверь с развороченным черепом грохнулся в снег. Невестка, всхлипывая и пытаясь сохранить достоинство, зигзагами побежала в дом.

– А ты герой! – с придыханием произнесла Эва.

Ди вытаращился на неё, словно вместо девушки перед ним материализовался призрак.

– Ты способен пожертвовать собой ради других, – внимательно посмотрела на него подруга детства. – Больше у нас никто на это не способен.

– А бойцы?! – Ди похвала, конечно, польстила, но стоило же, для приличия, набить себе цену.

– Это другое, – скривилась Эва. – Обязанность у них такая. Умирать. Они просто выбрали самый лёгкий путь, где не надо думать и принимать решений. – Немного помолчав, добавила. – Зачастую сложных.

Вдалеке между небоскрёбов показалась чёрная фигура на двух лапах. Всё поселение прекрасно знало этого зверя.

Вожак никогда не участвовал в нападении. От соплеменников же отличался чёрной шерстью и крупными размерами. Вероятно, нападай сам, мог бы в одиночку убить всех. Но Вожак всегда оставался вне досягаемости. Люди не единожды пытались устроить на него облаву. Подготавливали засады, жертвуя силами в поселении. Но Вожак всегда уходил.

– Пойдём отсюда, – буднично сказала Эва. – Сейчас звери попрут обратно с добычей. Под руку... то есть лапу попасться можем.

Ди заворожено поглядел на Вожака. Он с детства мечтал пристрелить этого огромного чёрного зверя. Если б принёс его голову...

Когда не спалось, разведчик думал о дочери главного судьи – Сие, молодой упитанной девушке, способной родить много детей. Он ворочался с боку на бок, представляя, как приносит голову Вожака. Братья шокированы, смотрят на младшего круглыми глазами. Начинают расспрашивать, как ему удалось. А он садится, разбирает обрез. Принимается чистить оружие. Братья, невестки и племянники столпились вокруг, с открытыми ртами ожидая, когда начнётся рассказ. Но Ди не начинает. Ждёт, когда придёт отец. Папа, наконец, появляется. Высокий, поджарый старик, с головой белой, как снег, проходит меж сыновей. Медленно опускается на табурет против Ди. «Рассказывай сынок, – говорит он. – Я долго ждал этого момента. Ещё с твоего рождения знал, что убить Вожака предстоит тебе». Ди к тому моменту вычистил и смазал каждую деталь обреза. Начинает собирать оружие и медленно, опуская большинство подробностей, рассказывает, как именно выследил и убил Вожака. Старается сократить, но рассказ всё равно производит ошеломляющее впечатление. Племянники и невестки слушают с круглыми глазами и глупыми лицами – одни из-за того что малы, а вторые из-за того что глупы. Братья заискивающе смотрят на младшего. Понимают, что упустили момент, когда он превзошёл их в мастерстве. И лишь папа слушает с серьёзным выражением, изредка кивает. Иногда Ди специально рассказывает о несущественных профессиональных промахах, тогда крупный кулак отца сжимается. Наконец, Ди заканчивает рассказ. Молчание. Щелчок закрывшихся стволов выводит отца из задумчивости. «Ты настоящий разведчик, – медленно произносит папа. – Большого мне и не надо. Теперь я знаю, что прожил жизнь не зря!». Когда весть облетает поселение, главный судья – Дидли, просит Ди зайти к себе. Тот приходит. Дидли показывает на дочь и спрашивает, хочет ли он такую жену. Ди делает вид, что польщён таким лестным предложением, но в ответ говорит, что выбор предпочитает сделать самостоятельно. Тогда Дидли принимается упрашивать, расписывая какую привилегированную нишу тот может занять, если возьмёт Сию в жёны. И Ди, делая одолжение, соглашается...

– Пойдём! – потянула за руку Эва.

– Пойдём, – пробормотал молодой разведчик, ещё не выбравшись из грёз.

Вожак дал сигнал к отступлению. Мощный вой пронёсся по окрестностям. Стёкла в близлежащих домах задрожали, где-то даже послышался звон.

Зверь с чёрной шкурой всегда находился вдалеке от поселения и командовал, когда собратьям следовало начинать убивать, а также прекращать.

* * *

Ди сидел на крыльце, пока братья занимались восстановлением двери. Отец, тем временем, направился в Совет, подвести итоги прошедшего нападения.

Невестки наводили порядок в доме. К моменту, когда зверь выломал дверь, женщины побросали оружие и спрятались. Тири влезла под кровать. Стоило когтям клацнуть по деревянному полу, она еле слышно всхлипнула.

Зверь попросту не успел натворить в доме много разрушений. Лишь сорвал ширму, отделявшую первую половину дома от второй, жилой. Когда услышал всхлип, нагнулся и вытащил женщину из-под кровати. Тири кричала, звала на помощь, но никто из родственниц не рискнул выступить против зверя.

Гтирер готовился стать главою дома. Соответственно Тири уже мнила себя хозяйкой. Постоянно ссорилась с матерью Ди. Нередко за мать приходилось вступаться сыновьям – слишком Тири хотелось стать главной.

После ухода зверей, пока мужчины занимались восстановлением внешней жизни, она принялась восстанавливать внутреннюю. Трёх сношенниц посадила зашивать сорванные зве-

рем ширмы, многочисленную детвору заставила вычищать дом. Хотела и свекровь озадачить, да та напонила, кто в доме хозяйка. Тири устроила скандал.

– Ты, бездельница старая, ничего не делаешь, а жрать просишь! – кричала она. – Видела, какие порции у детей?! А ведь они могли бы быть больше, если бы ты не ела!

Ди слышал на крылечке эти склоки. Отчасти и видел. Но вступиться никогда не решался.

Когда звери ушли, Тири пожаловалась Гтиреру на Ди. Заявила, что тот кричал на неё, даже руку пытался поднять. О спасении рассказала такую небылицу, что ей мало кто поверил, но лишних вопросов решили не задавать. Братья, с подачи будущего главы семьи, не допустили самого младшего к ремонту двери.

– Иди отсюда! – со злостью толкнул в лоб Гтирер. – Не мешайся!

– Посиди лучше на крылечке, – поддакнул Бримо, второй по старшинству.

– А то ещё пальчик пришибёшь, и доставай тебя потом из-под лавки, – усмехнулся Зайрик, средний брат. Он выделялся среди семьи разведчиков тем, что был очень смугл, а его сросшимися и кустистыми бровями, как однажды пошутила Тири, было бы отлично подметать в доме. Гтирер, как-то в пылу ссоры, обвинил мать в измене отцу, после чего они уже много Сезонов не разговаривали.

Со средним братом отношения у Ди испортились основательно. Как-то раз он в порыве юношеского желания подумал, что жена Зайрика его соблазняла. Тогда молодой разведчик ещё не знал коварной женской натуры, которую отдельные люди принимают за ум.

– Ты не слышишь, что тебе говорят?! – воскликнул Траан, который старше Ди всего на один Сезон. Он всегда вёл себя так же пренебрежительно, как Гтирер и Бримо. Да и во всём другом старался подражать старшим братьям, из-за чего быстро заслужил роль «шестёрки».

– Эй, на тебе моя шапка! – округлились глаза Траана. Когда началось нападение зверей, он только проснулся и о головном уборе не спохватился.

Подскочив к брату, Траан сорвал шапку, а после отвесил такой подзатыльник, что Ди полетел лицом в снег.

– Ещё раз притронешься к моим вещам, я тебе кишки выпущу! – пообещал родственник.

Ди поднялся, неспешно отряхнул снег с одежды. Теперь предстояло унижение перед одёжниками. Глубоко вздохнув, он присел на нижнюю ступеньку крыльца и принялся наблюдать за восстановлением поселения.

Из дома, доносилась ругань Тири на всех и вся.

– Это называется вымести?! – орала невестка. – Это, твою мать, называется вымести?! Сейчас языком выметать будешь, гниль паршивая! В доме должно быть чисто!

На крыльце братья устанавливали новую дверь с руганью, будто делили последний на планете кусок мяса.

– Эту падаль надо устанавливать так же, как и была! – кричал в бешенстве Гтирер. Остальные братья убеждали его в обратном. Они сгрудились кучкой, а старший нависал над ними, как зверь над детьми. Гтирер – высокий, мускулистый, подвижный, внушающий уважение и страх мужчина. Братья ростом не уступали, но смотрелись рядом заморышами.

Первые поселенцы сделали двери открывавшимися на улицу. На случай визита диких животных, которые не догадывались, что для открытия достаточно её потянуть. Они попросту толкали. Против них даже незапертая на засов дверь служила надёжной преградой. На остальных домах двери давным-давно сделали открывавшимися внутрь. Животные внутрь поселения не заходили. От зверей эти хитрости не помогали, а в Период Бурь заметно облегчали людям жизнь. Снег, наносимый ветром в это ненастное время, иногда достигал крыши. И раскрыть дверь наружу в таком случае стоило огромного труда.

Почему Гтирер упёрся в то, что надо делать так, как сделали первые поселенцы, было непонятно вероятно даже для самого Гтирера.

Ди засмотрелся на небо, замечтался, как бы отлично было добраться до облаков, пощупать их. Дидли, конечно, рассказывал, что облака, якобы, вода в какой-то своей ипостаси, но разведчику больше нравилось думать, что они мягкие и пружинистые.

Небо к тому времени затянуло. В городе стояло затишье, хотя по опыту Ди знал, что это заслуга небоскрёбов. Стоило выйти из-под их защиты, как ледяной ветер выдувал из организма всё тепло.

Неожиданно Ди вспомнил, что так и не отчитался по поводу задания.

– Да чтоб тебя! – шлёпнул он ладонью по лбу. – Я пойду, по заданию отчитаюсь, – обратился к братьям. – Моя помощь не понадобится?

Ответа молодой разведчик не получил, а его уход никто и не заметил.

В доме строителей-ремонтников никого не осталось, даже детворы. Ди как-то и не подумал, что именно у них сейчас куча работы. Идти к одёжникам, выслушивать очередные насмешки, не хотелось. Пришла мысль отсидеться в доме до Периода Бурь, а там что-нибудь да придумается. Но маловероятно, что в оставшийся Сезон ему дадут сидеть без дела. Оставалось ходить без шапки, но умирать в страшных мучениях Ди тоже не хотелось. В позапрошлом Сезоне дочь одного из бойцов неожиданно слегла, стеной от жуткой головной боли. Лекарь тогда сразу сказал, что причиной всему застуженная голова, ведь девушка ходила без шапки, хвасталась огненно-рыжими волосами.

Период Бурь дочь бойца не пережила.

Ди медленно побрёл к одёжникам, заранее придумывая фразы, которыми будет отзывать на колкости и насмешки, но, ни один из заготовленных ответов не понадобился. Семья была в приподнятом настроении – нападение зверей им дёшево обошлось. На дом не напали, никто не пострадал. Глава лишь с нескрываемым презрением посмотрел на молодого разведчика и сказал прийти на следующее утро.

Ди медленно и нехотя побрёл домой.

Обучение детей судьями начиналось с седьмого-восьмого Сезона жизни. Занятия проходили в доме семьи. У Ди с Эвой уроки вёл Дидли. Учил грамоте, математике, окружающему миру, истории, физике и прочим точным и не очень наукам. Учиться дети не любили, а вот рассказы судей о том, откуда люди прибыли, как обустроивались, истории из жизни первых поселенцев и прочие повествования об окружающем мире могли слушать бесконечно. Судьи утверждали, что люди живут в мёртвом городе лишь временно, когда-нибудь за ними должны прибыть и увезти из этого проклятого места. Будучи маленьким, Ди интересовался у взрослых, а кто должен прибыть и куда увезти. Из историй, что тогда рассказывали, запомнились лишь несколько.

Ми-Ми – жена одного из столяров, ныне давно мёртвая, рассказала, что когда сама была маленькая, слышала от одной старухи, что людей в этом мёртвом городе оставили в наказание за какие-то грехи. Мол, когда они будут искуплены, людей увезут. Ди в это верилось с трудом. Как они узнают, что грехи уже искуплены и почему он должен отвечать за чьи-то давние грехи, не имея ни малейшего понятия, как и что искупать. И если это была правда, то по всему выходило, что застряли они тут надолго.

Вторая запомнившаяся история – рассказ Дила, старого литейщика. Почти перед самой смертью тот поведал мальчику, «великую тайну». Лишь когда Дил умер, а Ди превратился из маленького мальчика в подростка, то узнал, что «великую тайну» знали все. Заключалась она в том, что когда-то, много поколений назад, их далёкие предки фактически потерпели крушение на берегу этой земли. И вот тут воображение подбрасывало заманчивые картинки. Ди не единожды представлял себя одним из основателей поселения, отважно преодолевавших любые преграды.

Сию, дочь Дидли, разведчик заметил, когда чуть не столкнулся с нею.

– Ой... – просиял Ди. – Здравствуй, Сиенька! А я тебя не заметил!

– Да?! – улыбнулась она. – Я ведь такая незаметная!

Молодой разведчик покраснел, когда понял, что брякнул полнейшую глупость. Сия – полная, а значит, красивая молодая девушка, притягивала взгляды всех мужчин, когда появлялась на улице.

– Наверно твоя, похожая на скелет, Эва более заметна?!

– Причём здесь Эва! – Ди мгновенно побелел, как снег.

– Вы друг друга стойте! – усмехнулась Сия. – Ты – Мясо, да она, не способная ни одного ребёнка родить из-за своей худобы. Таким как вы как раз и нельзя размножаться, чтоб не плодить обузу.

Ди не нашёлся что ответить. Сия победоносно посмотрела на него и направилась дальше. Самая желанная невеста в поселении могла позволить себе выбирать. И Ди в зону выбора никаким боком не попадал.

– Что, уделала Мясо? – Вэлдис, боец с оторванной кистью, прошёл мимо, подмигнул ей. В руке металлическая пластина, а культёй её лишь придерживал.

– Ты ещё пожалеешь, что так со мной разговаривала! – вспыхнул Ди. – Когда я выслежу, где прячутся звери, а потом принесу голову Вожака, ты первая приползёшь ко мне! А я ещё подумаю, брать ли тебя в жёны!

Вэлдис остановился. Сия медленно повернулась.

– Чего ты сказало... Мясо? – выдавила дочь главного судьи.

Предполагалось, что звери жили в горах, к западу от мёртвого города. Именно туда ходили гончары за глиной, и оружейник за ингредиентами для пороха. Разведчики добывали для поселения информацию из мест, куда ни один здоровый человек не пошёл бы. Потому знали множество секретов. Но их неразглашение также входило в издержки профессии.

Отец рассказывал, что один из его братьев пытался выследить, где живут звери. Однажды после нападения отправился по следам и не вернулся. Дед Ди также пытался выследить, где живут звери и пропал.

Металлическая пластина выскользнула из рук бойца, взметнула снег из-под ног. Схватившись за живот, он истерически рассмеялся. Не удержавшись, грохнулся в снег. Из глаз покатились слёзы, а смех превратился в скрежещающие звуки – Вэлдис подавился душившим весельем.

Когда до Сии в полном объёме дошла информация, сказанная молодым разведчиком, она громко и заливисто расхохоталась. На крылечках домов начали появляться люди, полюбопытствовать, кто и над чем смеётся.

– Представляете, – сквозь смех громко объявил Вэлдис на всю улицу. – Мясо заявляет, что сегодня же выследит, где живут звери, а завтра мы сможем посмотреть на голову Вожака! Остальных зверей он видимо собирается отпугнуть своим «ружьём смерти». В награду просит лишь на Сии жениться...

Боец попытался продолжить, но, сквозь раздирающий нутро хохот, ничего не смог произнести. Однако продолжения никому и не потребовалось. Кто услышал новость, от души рассмеялись, позабыв о работе, смерти близких, собственных ранах.

Ди застыл. Угрюмо рассматривал смеявшихся над ним людей. Неожиданно для самого себя он выдал свой величайший секрет. Всегда обидно выслушивать, как мысли, которые ты вынашивал несколько лет, подвергаются критике. Но даже не это обидело молодого разведчика. Вzbесила насмешка над «ружьём смерти», как прозвали его оружие. Тяжёлое двуствольное орудие сделали задолго до рождения Ди. И все, к кому оно попадало, скоротечно погибали. Когда перед разведчиком встал выбор оружия, он специально взял «ружьё смерти» заявив удивлённым зрителям, что стреляет не оружие, а человек.

«Передумает» – махнул тогда рукой Дидли.

Ди не передумал. Отпилил стволы и приклад, чем заметно облегчил неподъёмное, но мощное ружьё. Полностью перебрал механизм, а некоторые детали даже заменил. Целый Сезон Ди только и делал, что пытался сделать из «ружья смерти» нечто, способное сохранить жизнь.

И у него получилось мощное средство ближнего боя. Подобными боевыми характеристиками не могло похвастать ни одно оружие в поселении. Но для жителей его обрез навсегда остался «ружьём смерти».

– Ты бы, Мясо, заканчивал своё бесцельное существование, – прикрылась шуткой Сия. – Какой из тебя разведчик? Какой воин? Тебе только клетки с оленями чистить. Да за мхом ухаживать. И то, может быть, не справишься. А вообще я поговорю с отцом, чтобы он определил тебя туда постоянно работать.

Ди сначала покраснел, затем побледнел. Потом снова покраснел. Раскрыл рот, что-нибудь сказать, да не нашёлся, что ответить. В итоге застыл посреди улицы, будто оплётанный. Женщина-мечта предстала совершенно не такой, как в грёзах. Над ним потешалась циничная, меркантильная и избалованная особа, ничего общего не имеющая с той, о которой разведчик мечтал перед сном.

«Ты всё равно будешь моя» – Ди с ненавистью посмотрел на Сию.

* * *

Ди, словно Период Бурь, влетел в дом. Схватил обрез, сумку, куда насыпал патронов. Молнией выскочил. Тири даже возмутиться не успела.

Возле пролома, где недавно спас невестку, копошились строители-ремонтники. Собрали на земле выломанный часток. Намеревались поднять и приладить к остальной стене. Ди проскочил мимо, забыв, что должен отчитаться. Жители поселения знали, что престарелый отец не смог научить младшего сына ремеслу. Потому редкие поручения Ди принимал с огромным восторгом. А за последнее, простейшее – пересчитать оставшиеся деревья в маленькой рощице, неподалёку от города – чуть не подрался с Трааном.

Ди выбежал из-под защиты деревянных стен. На бегу переломил обрез, вставил патроны. Ветер бил в лицо, трепал волосы, но молодой разведчик не чувствовал холода. Он твёрдо решил, что, отправившись в горы, или выследит Вожака и убьёт, как настоящий разведчик, или погибнет в бою, как настоящий воин. Иначе до следующего Сезона ему не дожить.

Фантазия живо нарисовала, как в Период Бурь его не будут убивать, а начнут отпиливать по кусочку и съедать. Он увидел себя без ног и рук на полу, под лавочкой. Язык отрезали в самом начале, чтоб не кричал. И вот, он лежит и ждёт, когда придут и начнут резать дальше...

Тем более так уже было. Перед прошлым Периодом Бурь, во время нападения зверей, Гтирер, старший брат, похитил жену одного из столяров. Отец со старшим сыном долго ругались по этому поводу, но, в конце концов, отец сдался. Упитанную жену столяра связали и положили к Ди под лавку. Гтирер запретил её убивать. Он лично отрезал ей язык, конечности, после начал срезать мясо... Тело худело изо дня в день и хватило его ненадолго. И всё время Гтирер крутился рядом. Ухаживал, залечивал раны, кормил. Тири даже стала ревновать. Но самое тяжёлое досталось Ди. Лежать и знать, что под тобой существует живое мясо. Недавно оно считало себя человеком, строило планы, а теперь наоборот – ждёт скорейшей смерти.

Людоедство в селении было, но все об этом предпочитали умалчивать. Как о мастурбации. В особо затянувшиеся Периоды Бурь, когда еда заканчивалась, а конца ненастья не предвиделось, в некоторых семьях потом недосчитывались людей. В основном стариков, но бывало и кого-то из обузы. Если недосчитывались нужного человека, то с главы семьи Совет потом спрашивал. И бывали случаи, что спрашивал серьёзно.

У разведчиков ситуация была намного хуже. Старший брат, Гтирер, недаром был хороший разведчик. Он находил в небоскрёбах такие вещи, которых никто в поселении никогда и

не видел. Поднимался туда, где никто не был. Ведь с нижних этажей вынесли всё ценное ещё до того, как первые поселенцы прибыли на эту землю.

Но посещение небоскрёбов не могло пройти безнаказанно. Он, вопреки ожиданиям, не превратился в зверя, но с недавних пор начал есть человечину. Никакие уговоры и увещания не помогали. Его характер сильно изменился. Он стал особенно злым и агрессивным.

И то, куда в поселении пропало уже несколько людей, семья разведчиков прекрасно знала. Ведь все эти люди, в итоге были съедены Гтирером. И вся семья его покрывала.

Ведь он был лучший разведчик.

А ещё он был сыном, братом, мужем и отцом.

Ди бежал. Несколько раз поскальзывался на присыпанных снегом металлических поверхностях мегаполиса. Близлежащие к поселению улицы были вычищены от снега. Жители сообща собирали его внутри большими кучами, из которых потом каждый брал на обогрев и питьё. После начинались засыпанные проспекты. По некоторым даже невозможно пройти – снега намело по вторые этажи. Но большинство – хорошо продувались, потому снега там было немного. У жителей поселения, на крайний случай, за спиной всегда висели снегоступы.

– Нет, нет и ещё раз нет! – категорично заявил один из судей, когда молодой разведчик в очередной раз пришёл с просьбой выдать снегоступы. – Ты, за последние два Сезона, какую пару уже потерял?!

Сколько Ди ни убеждал, сколько ни умолял, сколько ни оправдывался, что не нарочно потерял пять пар, судья был неумолим.

– Поживёшь пару Сезонов без них, – сказал он. – Начнёшь ценить и... если к тому времени не пойдёшь кому-нибудь в пищу, придёшь. Выдам.

Ди остановился, глубоко вдыхая обжигающе-ледяной воздух через нос. Идти по глубокому снегу тяжело. Промелькнула предательская мысль вернуться.

– Нет, – злобно пробормотал молодой разведчик. – Ни за что!

Он остервенело начал пробираться дальше, а в голову полезли картинки уютного, а главное тёплого, быта.

– Нет! Нет! – на выдохе вырывалось у Ди.

Наконец город закончился. Между горами, где по предположениям обитали звери, и мёртвым городом, посреди которого пристроилось поселение людей, располагался «Сад», как в шутку называли в семье электриков множество ветряных электростанций. Остальные прозвали это место «Снежной преградой» из-за ветра, поднимавшего там живую стену из снега. Частенько даже на расстоянии вытянутой руки ничего нельзя было разглядеть. Именно на этом пространстве звери всегда и запутывали следы когда ветер успокаивался, но зачастую те попросту сами исчезали уже через несколько мгновений после того как появились.

Ди как раз и застал такую выюгу. Снег кружился, забивался в ноздри, уши, застилал глаза. Но молодой разведчик упорно топал вперёд. В прошлый Период Бурь он подслушал разговор братьев, из которого смог догадаться каким образом не ходить кругами – важный навык в жизненной копилке разведчика. Появилась возможность испробовать знания. Остальной народ за пределы города ходил редко и только по делам семьи. Причём зачастую в сопровождении бойцов. Разведчикам же приходилось шнырять везде, куда бы судьи не послали. Начиная от второго города, на севере, за заливом, и заканчивая большой рекой, стекавшей с гор, на юге.

Через каждые десять шагов Ди чуть-чуть начал поворачивать вправо. Из разговора братьев молодой разведчик понял, что людей, почему-то, всегда тянет влево, следовательно, чтоб идти прямо, надо постоянно чуть-чуть поворачивать вправо.

Вновь пролезла предательская мысль: «А не вернуться ли?». Но разведчик настолько замечтался о том, как явится в поселение с головой Вожака, что моментально забыл здравые мысли.

На чём-то поскользнувшись, грохнулся на задницу. Обрез отлетел куда-то в сторону. Ди искал глазами оружие. Лежало невдалеке. Поднялся, намереваясь пойти за обрезом, когда взгляд зацепился за виновника падения – макушку черепа.

– Значит правильно иду... – пробормотал он и тут же начал отплёвываться от набившегося в рот снега. Вытерев рукавом губы, подошёл к обреза, наклонился...

Рядом с оружием был отпечаток ноги. При такой погоде он мог оставаться на снегу совсем недолго. Ди схватил обрез, взвёл оба курка. Упав на одно колено, завертелся вокруг своей оси, ожидая нападения. Но кроме стены снега ничего не видел.

Руки дрожали, стук сердца отдавался в ушах. Ди догадался, кто прошёл рядом. Оставалось надеяться, что изгнанник не заметил молодого разведчика.

За преступления, в зависимости от тяжести, наказывали. Самое страшное наказание – изгнание. Но оно уже несколько Сезонов не применялось, так как людей стало слишком мало, и выгонять кого-то – непростительная роскошь. К тому же те, кого выгнали, доставляли проблемы. Они не умирали от холода и голода, как предполагалось; их не задирали звери. Они жили, да ещё и размножались. В селении предполагали, что не всех людей, которые не вернулись, убили звери. Некоторые попались в руки изгнанников. От холода, по всей вероятности, те прятались в городских небоскрёбах. И лишь благодаря изменениям в организме после посещения этих зданий, выжили.

Каждый родитель с детства твердил, что город вокруг опасен. Рассказывали страшилки о зверях, которые там поджидали и про лабиринты в этих зданиях. Судьи в один голос утверждали, что если пробыть какое-то время в любом из городских строений, то начнётся необратимый процесс помутнения рассудка. У человека начнёт расти шерсть, зубы удлинятся, а на пальцах вместо ногтей появятся когти. Такой человек достаточно быстро превратится из разумного существа в слабоумное и опасное чудовище.

Он станет зверем.

Ди ещё раз крутнулся вокруг оси, а потом вскочил и, что есть духу, побежал в сторону гор.

* * *

– Так! – постучал по столу Дидли. – Не скандалим!

– Тут попробуй... – буркнул Илнос, глава семьи бойцов. Его седая шевелюра встала торчком от душившей злобы. Единственный глаз, левый, покраснел от прилива крови.

– Приступим, – заколотил по столу Дидли. Подсвечник с новенькой свечой, стоявший рядом с ним, подпрыгнул от последнего удара.

Совет заседал в доме судей, в специально выделенной для этого части. В центре круглого стола, в деревянном канделябре, потрескивало три свечи. Возле судьи всегда стоял ещё один подсвечник. «Для игр» – как он сам его характеризовал. Вокруг стола, на табуретах, сидели главы тринадцати семей – двенадцать мужчин и одна женщина. Дидли, как главный судья, являлся председателем Совета. Но, по сути, он был главою поселения. В самом тёмном углу находился люк под землю, куда простым смертным вход был воспрещён.

Совет всегда проходил при минимальной обстановке, чтоб главы семей не отвлекались. Так завели первые поселенцы, а последующие поколения не решались нарушить.

– На повестке дня у нас следующие вопросы, – главный судья, великолепно сохранившийся старик, провёл рукой над стоявшей рядом свечой. – Первое: оценка последствий нападения. Второе: подготовка к Периоду Бурь. Третье: решение вопроса о наказании Вивиты. – Дидли задержал ладонь над свечой и обвёл всех взглядом. – Приступим?

Главы семей понурили головы. Каждый слишком погрузился в собственные проблемы, чтоб решать чужие.

– Приступим, – ответил Илнос.

– Тогда у кого какие потери? – главный судья убрал руку от огня, потёр пальцами обожжённое место.

– Пятнадцать, – первым ответил глава семьи бойцов. – Тринадцать мужчин и две женщины.

– Не слабо! – присвистнул Пиот, глава гончаров, за глаза называемый «кругляшок». – У меня лишь три бабы.

– Ну, – с нарочитой скромностью произнёс Илнос. – Нас же с детства учат умирать!

– Никого, – скрестил руки на груди Диртктстиблиаст, глава семьи электриков и, вероятно, единственный взрослый человек, кто не употреблял пойло вообще.

– Повезло! – хмыкнул глава ремонтников Ду-Ду

Про него поговаривали, что пьяные родители, придумывая отпрыску имя, ничего членораздельного произнести не смогли. Про Диртктстиблиаста по этому поводу и вовсе молчали. Чем занимались родители, чтоб придумать такое имя осталось загадкой.

– Да кому охота жрать гнилое мясо?! – скривился Илнос.

– Я тебе голову снесу за такие слова! – побагровел Диртктстиблиаст.

– Ты?! Мне?! – усмехнулся глава семьи бойцов. – Пойди сопли вытри, прежде чем такое заявлять!

– Тишина! – хлопнул ладонью по столу Дидли. Подсвечник с начавшей оплывать свечой вновь подпрыгнул, в этот раз заметно выше. Ссора между главами семьи бойцов и семьи электриков была настолько стара, что уже никто не знал из-за чего она. В том числе не помнили Диртктстиблиаст с Илносом. – Чуну толкните!

Единственная женщина в Совете – Чуна, глава семьи охотников. Её мужа растерзал медведь, раненного сына загрызли песцы, другого сына птица унесла в своё гнездо, трёх дочерей в разное время утащили звери, четвёртого сына огромная рыба уволокла под воду, пятого раздавил морж. Были у неё и ещё сыновья и дочери, но все по тем или иным причинам погибли. Из ближних родственников не осталось никого. Неизвестно, почему члены семьи сделали её главою, легенд в поселении об этом ходило немало. Вряд ли она имела фактическую власть внутри семьи. На заседаниях Совета Чуна не редко засыпала. То ли из-за монотонности, то ли из-за возраста. Она была настолько стара, что помнила времена, когда звери были разрозненны, времена, когда ими не управлял Вожак. В жизни Совета и всего поселения она принимала минимальное участие.

Чуна от толчка чуть не грохнулась. Встрепенулась, обвела людей затуманенным взглядом.

– Скольких потеряли? – поинтересовался Дидли, вновь остановив руку над свечой.

– Ни... кого, – широко зевнула Чуна. Глаза сомкнулись, рот раскрылся, а из глотки донёлся храп.

– Да их же в поселении и не бывает, – вставил Илнос. – Как их могли убить?!

Отчасти это было правдой. Семья охотников слишком много времени проводила в выслеживании животных и ловле рыбы. Мужчины ходили на охоту, а старики с детьми и женщинами на рыбалку к океану. И в двух домах этой семьи обычно оставалась лишь Чуна, да несколько женщин, присматривавших за малыми детьми.

У остальных потерь либо не было совсем, либо они были минимальны. Звери предпочитали угонять для еды самых мясистых и жирных – женщин, но не брезговали мужчинами и детьми.

– Выходит, – подвёл итог Дидли. – Тридцать три человека. Не мало... Но бывало и хуже.

– Что там ещё надо решать? – хмуро поинтересовался Дон, глава литейщиков. У него пропали две дочери.

– Подготовка к Периоду Бурь, который, как всем известно, не за горами, – ответил судья и отдернул руку от пламени свечи. Настроение у него, после подсчёта результатов, испортилось. Тридцать три человека – страшная цифра. А если учесть, что пятеро из потерянных навсегда женщин были беременны, то сумма возрастает.

– Подождите-подождите! – всплеснул руками Илнос. – Сколько это может продолжаться?! А?

Взгляды скрестились на нём. Лишь Чуна преспокойно спала на столе, изредка похрапывая.

– Мы уже миллион раз рассматривали этот вопрос... – осторожно начал Дидли.

– Да, согласен. Рассматривали. А пока мы тут их рассматривали... люди гибли. Мои люди гибли! – повысил голос глава бойцов, а его единственный глаз ещё сильнее налился кровью. – Вы разве не видите, что Вожак организовал их?! Что он сделал из разрозненных зверей организованное общество? Вспомните, по сколько звери раньше утаскивали людей! А по сколько сейчас?

– Ты угомонишься или нет?! – вздохнул Флор, глава разведчиков. – Сколько раз мы обсуждали эту тему?

– Да что вы заладили... – Илнос со всей силы треснул кулаком по столу. Подсвечник, стоявший в центре, чуть не упал, глава гончаров успел его подхватить. Второй, возле Дидли подбросило намного выше, и он наверняка бы свалился на пол, не успей главный судья его поймать. – Обсуждали... рассматривали... Вы совсем полоумные или притворяетесь?! Вожака надо убить! Именно он приводит зверей! Он командует нападением! Он их организует!

– Пойди и убей, раз такой умный, – отец Ди пригладил седые волосы. – Или сына отправь.

– Да я наверно твоего отправлю... Младшего. Может Вожак хоть поест вдоволь. Хотя... Твой Ди даже на мясо не сгодится.

– Ты моего сына не трожь! – кулаки Флора сжались. – Твоему тупому мозгу даже не понять, для чего он нужен. Попробуешь ещё раз что-нибудь про него вякнуть, я твои кишки вокруг твоего же дома обмотаю. Понял?

– Что-то ты слишком храбрый! – Илнос прищурился. – А не забыл ли, что уже старик. Уверен, что тебя в следующий Период Бурь твой же... Гтирер не сожрёт?

Это был тонкий намёк, что глава бойцов знал о вкусовых пристрастиях старшего сына. Будущего главы семьи разведчиков. Знал, но почему-то молчал.

– А ты уверен, что тебя не сожрут? – Флор не подал вида, что понял намёк.

Главы домов вперились друг в друга глазами. Семьи бойцов и разведчиков плохо общались всегда. Но апогея взаимная неприязнь достигла, когда Илнос занял место главы. Много Сезонов продолжался спор. Глава бойцов говорил, что Вожака надо убить во чтобы то ни стало, а Флор утверждал, что его убийство бессмысленно, опасно и приведёт к непоправимым последствиям. Настаивал, что тогда звери уничтожат поселение.

Остальным вообще было всё равно. Много Сезонов близкие умирали, а они наблюдали за спором двух глав семейств.

– Я настаиваю на том, чтоб убить Вожака! – сквозь зубы процедил Илнос. – Ещё десяток таких нападений и нам нечего будет защищать! – выдержал паузу. – Вожак должен умереть! И чем скорее, тем больше наших детей останутся живы!

– Вожак их лидер, – Флор сжал кулаки. – До него таких не было. Но после уже будут. Он показал им, что такое лидерство. Так что, убив старого, мы приобретём нового. А ты уверен, что новый окажется лучше? Ведь ты прекрасно понимаешь, что следующим лидером будет Серый, а он в первое же нападение уничтожит...

– Мы не дадим им приобрести лидера! – вновь грохнул кулаком по столу Илнос. – Мы вернём их в то состояние, в котором они были до появления Вожака! Мы вернём их к состоянию, когда они нас боялись! А потом и вовсе погоним за горы, чтобы они больше никогда не

появлялись! Вспомните, сколько нас было раньше?! Вспомните, наши бабушки нам рассказывали, что людям в домах места не хватало! Чуну толкните, она расскажет! А что теперь?! Дома пустые! Нас поедают! Живьём!

– Мы не можем убить Серого уже много Сезонов. На Вожака облавы устраивали бесчисленное количество раз, – устало, словно разговаривал с глупым ребёнком, сказал Флор. – С какого это перепугу мы вдруг сможем убить и того и другого?!

– С того перепугу, что надо не сидеть, как лемминги в норках и трястись от одного вида бродящего неподалёку песка, а самим напасть! Собраться всем мужчинам и пойти в горы! Уничтожить их логово, перебить всё потомство, выжечь всё огнём!

– Ты правильно сказал, – хмыкнул Флор. – Как лемминги в норках. Потому что мы и есть лемминги. В норке. Если бы не мёртвый город, где звери крайне не любят находиться и приходят из-за человечины, да не стены, вокруг нашего поселения, то мы бы уже не сидели здесь и не разговаривали. И не мне тебе рассказывать, что нет смысла сравнивать живучесть зверей и людей. Мы никогда их не перебьём на их территории. Скорее они это сделают с нами. Один Серый на что способен. И если бы не Вожак, который их останавливает, он бы уже давно перебил всех!

– Бред! – презрительно скривился Илнос. – Бабы сказки! Он такой же зверь, как и остальные. Немного сильнее, более везучий. И всё! Остальное выдумки! И я считаю...

– Давайте закроем эту тему, – провёл рукой над свечой Дидли. Он решил вступить в спор иначе конца и края ему не будет, а вполне вероятно и до драки дойдёт, как уже несколько раз бывало. – Вы оба правы, тут ничего не поделаешь. Но выход, который предлагаешь ты, – кивнул главе бойцов. – Неприемлем. Вспомни, сколько раз его хотели убить. Сколько людей мы потеряли, пытаясь это сделать.

– Тогда всё было по-другому, – вставил Илнос.

– Согласен. Тогда нас было больше. А сейчас у нас не столько людей... Заметь, твоих людей, чтоб лишний раз подкармливать зверей. Но и вариант Флора неприемлем. Илнос прав. Звери нас уничтожают. Но рисковать, чтоб за Вожаком пришёл другой главарь – бессмысленно. Нужно какое-то другое решение.

– Как всегда, – зевнул глава литейщиков. – В миллионный раз обсуждаем этот вопрос и в миллионный раз наш председатель сделал «ни нам, ни вам». Все правы, но при этом все неправы. У вас, у судей, прям талант вести переговоры с толпой.

– У тебя есть лучше предложение? – с любопытством поинтересовался Дидли. – Мы с удовольствием слушаем! Нету? Так чего тогда язык утруждаешь? Предлагаю вернуться к цели нашего сбора. – Он задержал ладонь над пламенем свечи. – Перед нами ещё два вопроса. Первый, это оценка готовности к Периоду Бурь, а второй это решение вопроса о наказании Вивиты.

– Какая ещё оценка готовности к Периоду Бурь?! – буркнул Илнос. – К смерти не готовишься!

* * *

Ди сбился с пути и бродил кругами. Вокруг была Снежная преграда. Или Сад. Лишь теперь молодой разведчик понял, почему это место так прозвали. Куда ни пойдешь, перед лицом снег и выплывающие из него столбы ветряных электростанций. В носу зашекетало от подступающих слёз. Захотелось в тепло и уют.

Из снега выступила какая-то громадина. Поначалу Ди обрадовался, что вышел, наконец, к городу, а перед ним один из небоскрёбов. Но сделав ещё с десяток шагов, очутился перед отвесной скалой. Поглядел влево – стена тонула в кружившемся снегу. Посмотрел вправо – виднелось углубление.

«Может, хоть отсижусь чуть-чуть» – подумал Ди. Ветер пробрал холодом до костей. От вертевшегося перед глазами снега уже голова начала кружиться.

Ди подошёл ближе, сладко предвкушая тихую пещерку, где можно отсидеться и отдохнуть. Отец рассказывал, что в горах таких видимо-невидимо. Правда он упоминал, что чем ниже располагается пещера, тем больше шансов попасть на ужин к медведю. Но эти слова Ди пропустил мимо ушей. Медведей в своей жизни он видел всего несколько раз. В детстве, когда охотники убили очень крупного самца, и понадобилась вся семья, чтобы притащить его огромную тушу в поселение. И второй раз он видел это исполинское животное издали. Тогда подумал, что было бы неплохо его приручить для отражения атак зверей.

Судьи рассказывали детям, что давным-давно, на планете было тепло, жило много-много разных животных. Даже книжки показывали, с картинками, где были изображены различные непонятные создания. Ди, конечно, слушать слушал, но всерьёз эти слова не воспринимал. Вероятно, как и остальные ученики. Люди уже попросту не понимали, как так на планете было тепло?! И куда тогда подевались все эти нарисованные на картинках животные? Откуда взялись звери? Судьи рассказывали много различных басен, при этом настаивали, что это правда и ни в коем случае нельзя забывать своего прошлого. По факту жители поселения на площади мёртвого города знали лишь о нескольких видах животных. В океане это была самая разнообразная рыба, а также моржи и пингвины. На суше: песцы, чьё мясо было невкусное, зато шкуры красивые; олени; лемминги, которым в поселении так и не нашли применения; гигантские птицы, чьи гнёзда располагались в горах; и огромные медведи – самые опасные создания, которых даже звери предпочитали обходить стороной.

Разведчик подошёл ближе. Потёр кулаками глаза, чтоб удостовериться в увиденном.

На всём исследованном протяжении горы представляли отвесную стену. Молодой разведчик вышел к ранее неизвестному участку, где между отвесных скал пристроилась вырубленная в породе лестница, по которой гулял ветер. Глубокие ступени, по краям стёрлись, а кое-где виднелись свежие царапины от когтей.

Ди усмехнулся, когда вспомнил, с каким пылом Бримо, спорил с отцом, что звери каждый раз карабкаются на скалу. Старший брат не мог объяснить, как они совершают такой трюк с живыми пленниками, но свою правоту доказывал с пеной у рта. Отец утверждал, что звери не настолько тупы, чтоб взбираться каждый раз по отвесной скале. Говорил, что есть проход в горы, где и человек преспокойно может подняться. Бримо смеялся над этими словами.

«Стоило заблудиться, чтоб найти ход!» – воодушевился молодой разведчик. На мгновение даже показалось, что голова Вожака оттягивает сумку.

Ди подошёл к лестнице, взглянул вверх. Дальше десяти ступеней из-за кружившегося снега ничего не видно. На первую ступил с волнением, будто та могла исчезнуть. На вторую чуть смелее. На девятой остановился.

В желудке противно закололо. Кожей почувствовал чьё-то присутствие сзади.

Ди медленно-медленно обернулся. У основания лестницы кто-то стоял. Из-за снега невозможно было разглядеть человек, зверь или изгнанник. Но точно не друг – от неожиданного гостя веяло угрозой.

– Что тебе надо? – голос предательски дрожал.

В ответ лишь тихий посвист ветра в ушах. Ди взвёл курки. Фигура отошла вбок, скрывшись за скалой.

«Скорее всего изгнанник, не может подобрать момент для нападения» – подумал молодой разведчик.

От такого предположения стало жутко. Ди слышал много бас и преданий, о преступниках, выгнанных из поселения. Кто их видел, в один голос утверждали, что на людей они походили лишь внешне и то издалека. Помнил, что когда был ребёнком, в поселении на привязи сидела изгнанница. Её выгнали за поедание малолетних детей. Но спустя Сезон она каким-то

образом проникла в поселение. Поговаривали, будто пробралась под землёй. Но Ди этой ереси не верил – бабы под навесом и не такую чушь порой выдумывали.

Поросшее короткой рыжей шерстью создание женского пола на привязи сидела недолго. Она никого не признавала, на всех бросалась и даром что была привязана. При очередном нападении кто-то по ошибке пристрелил её. Так подумали вначале. Была большая дискуссия по поводу того, что делать с трупом. Некоторые настаивали на том, что из него надо смастерить чучело и оставить в назидание другим. В итоге тело отнесли подальше от поселения и кинули в сугроб. Хоронить её люди единодушно отказались. Ночью все проснулись от страшного женского вопля. Бойцы клялись, что под оградой бродила погибшая изгнанница.

Ди выжидал. Палец давил на спусковые крючки. Пальнул бы при малейшем движении. Но мгновения ползли, а ничего не происходило. Разведчику начало казаться, что он стоял на девятой ступени целую вечность. Больше нервы не могли выдержать подобного напряжения. Резко развернувшись, он побежал вверх. За спиной раздались шаги. Ди поскользнулся и чуть не грохнулся. Поглядел назад, ожидая увидеть жутко голодное человекообразное страшилище с длинными когтями и страшными зубами.

Но сзади лишь ветер кружил снежинки.

Дрожащими руками разведчик снял курки со взвода. Медленно повернулся и зашагал вверх по лестнице.

* * *

Гтирер затаил дыхание, когда услышал поскрипывание снега под ногами.

Весь Сезон он ухаживал за Дриной, женой одного из бойцов. Девушка, будучи насильно выдана замуж, сама начала заигрывать с разведчиком.

В последнее время Гтирер начал понимать зверей, которые не жалели жизней, чтобы прорваться в поселение и похитить людей, вместо того, чтобы безболезненно добыть мясо животных.

В хаосе после нападения он случайно встретил Дрину. Договориться с ней о встрече за домом своей семьи проблем не составило. Девушка улыбнулась и доверчиво пообещала прийти.

У Гтирера немного защемило сердце. Вспомнились приятные мгновения в обществе Дрины.

Шаги приблизились к краю дома. Но вместо девушки из-за угла вывернул её муж. Разведчик с ним никогда не общался.

Муж до последнего не верил, что сказанное женой – правда. Глаза прищурились, начали наливаться кровью. Рука непроизвольно потянулась к тесаку, вставленному за пояс.

Гтирер за мгновение прокрутил несколько вариантов развития событий. При любом раскладе он оставался виноват, и если не получал по шее от обманутого мужа, то грозило серьёзное наказание от Совета. Конечно при условии, что Дрина проболталась кому-то кроме мужа. Что вряд ли. Если бы кто-то из бойцов узнал, что в их сплочённых рядах завелась гулящая женщина... Вначале, конечно, толпа пришла бы размазать по стенке разведчика, за ним всех кто под горячую руку подвернётся, а после неминуемо придумали бы блудливой жене жесточайшее наказание. Гтирер быстро прикинул, что вероятнее всего Дрине стало стыдно или страшно, и она всё рассказала мужу, а после долго валялась в ногах, выпрашивая прощение. Выносить такой позор на всеобщее обозрение боец не стал, потому пришёл разобраться со свидетелем.

«И, если его убить, то всё останется в секрете, – решил Гтирер. – Дрине придётся молчать, иначе надо будет рассказать всё-всё!»

Боец привык противостоять зверям на открытом пространстве. Не ждал подвоха. Он охранял поселение, каждое мгновение ожидая смерти. Разведчик, наоборот, в первую очередь

должен был надеяться не на силу, а на реакцию и скорость. Лишь они могли спасти одинокого человека среди мёртвого города и за его пределами. Отец хорошо выучил старшего сына. Вложил в него все знания и умения, которыми обладал сам.

Боец успел лишь испугаться, а его тесак наполовину покинул ножны, когда пущенный в полёт нож разведчика попал ему в раскрытый рот. Обманутый муж несколько мгновений удивлённо блыл глазами. После конвульсии начали сотрясать тело, изо рта полилась кровь. Попытался что-то сказать, но раздался лишь нечленораздельный хрип.

– Вот падаль! – Гтирер подскочил, выдернул нож. – Умирай ты уже!

Кровь хлынула фонтаном. Разведчик успел отпрыгнуть, прежде чем капли попали на одежду. Боец, продолжая хрипеть, опустился на колени, пытался руками зажать чудовищную по своей безысходности рану, но кровь хлестала сквозь пальцы.

– Бримо! – полушёпотом позвал Гтирер. – Готово. Давай, помогай.

* * *

Байомин, старший сын Гтирера, любил ходить на кладбище техники. Так в поселении называли место за городом, на востоке, практически на берегу океана, где стояла строительная техника. По легендам первые поселенцы брали там кое-какие машины, чтобы сделать поселение.

На уроках судьи рассказывали, что первые поселенцы прибыли из-за океана на большом корабле. И этот корабль действительно был – на побережье, восточнее кладбища техники. Одним боком он лежал на дне, а второй частично выглядывал из-под льда. Как рассказывали судьи, первые поселенцы встретили Период Бурь в океане и огромные волны выбросили их судно на мель.

На кладбище техники Байомин чувствовал себя умиротворённо. Различные экскаваторы и бульдозеры, автосамосвалы, гидромолоты, кабелеукладчики, всевозможные краны, гидроножницы, бетоноломы, бурильные машины. И множество других агрегатов и спецтехники, которая уже никогда не сможет двинуться с места. Всё стояло ровными рядами, впритирку. Словно бойцы на общих сборах.

Ответ на вопрос кто и для чего оставил эту технику на берегу океана исчез вместе с цивилизацией.

В этом месте Байомин любил размышлять, да и просто отдыхать от суеты, которая прекращалась в поселении лишь на Период Бурь. Звери на кладбище техники почему-то не заходили. И опасаться можно было лишь медведей, которые могли бродить по окрестностям в поисках моржей. Больше мешали не дикие животные и не звери, а ребяшня, прибегающая поиграть на древних машинах. Взрослые им этого не разрешали, но когда это дети слушались взрослых, тем более в таких вопросах, как «сходить посмотреть загадочные места»? Собственно Байомин и сам убегал на кладбище техники тайком. Ему исполнился лишь тринадцатый Сезон, и, естественно, ни один здравомыслящий родитель не отпустил бы ребёнка из-под защиты стен. При этом если остальные дети старались такие вылазки совершать группой, то сын Гтирера предпочитал одиночество.

Или компанию Бристы.

С этой голубоглазой девочкой он познакомился на уроках. Она была из семьи Судей, потому он её раньше и не видел. Дети этой семьи предпочитали играть отдельно. На уроках Байомина посадили рядом с ней, и он сразу влюбился. Как говорится – до кончиков ушей. Несколько Сезонов ходил на уроки к Судьям и лишь в конце прошлого, после нескольких бессонных ночей, признался Бристе, что любит её. Каково же было удивление, когда дочь судьи ответила взаимностью, да ещё и отругала за нерешительность.

Байомин забрался в кабину одного из экскаваторов. Закрыв за собой дверь и сел в кресло. Ещё не так давно он любил играть, будто эта машина была на ходу. Он представлял, как ездил на ней по городу и убивал выпрыгивающих отовсюду зверей. И особенно Вожака и Серого.

Теперь же он сел в кресло и ему стало стыдно играть. Будущий разведчик откинулся на задубевшее сидение, закинул ноги в унтах из тюленьей кожи на приборную панель. Закрыв глаза и унёсся в воображаемый мир. В тот мир, где он и Бриста были главными действующими лицами всей вселенной.

* * *

Главный разведчик вернулся с Совета в подавленном настроении. Молча прошёл к кровати. Медленно присел.

– Неужели всё так плохо? – поинтересовался Зайрик, средний сын.

В доме стало тихо, словно звук выключили. Даже малышня перестала вопить и пытаться догнать друг друга, сгрудилась кучкой вокруг котла электроводонагревателя. Гтирер и Бримо возились с трупом в задней части дома, потому тишину не заметили. Когда, наконец, и они поняли, что стало подозрительно спокойно, старший брат решил проверить, чем вызвано молчание. Он вытер руки о только что снятую с мертвого бойца одежду и вышел в жилую зону.

– Отчего такое безмолвие? – Гтирер обвёл комнату взглядом. – К нам прокрался зверь?

Домочадцы, будто по команде, посмотрели на главного разведчика. Флор почувствовал взгляд. Что-то проворчав под нос, медленно поднялся.

– Что, старый, произошло? – с нескрываемым презрением в голосе спросил старший сын.

Главный разведчик холодно посмотрел на Гтирера.

– Ничего хорошего, – буркнул он. – Тебя Дидли ждёт. Причём срочно. У него есть для нас задание.

– Я не могу, – Гтирер направился обратно в нежилую половину дома. – Пусть Зайрик сходит.

Средний брат открыл рот возмутиться, почему это старший перекидывает свою работу на него, но отец перебил:

– Он сказал, чтоб пришёл именно ты, и при этом срочно.

«Неужели Дрина проболталась?!» – на секунду в душе разведчика похолодело.

В следующее мгновение он откинул эти мысли. Если бы жена убитого проговорилась, то уже пожаловали бы человек двадцать бойцов с самыми серьёзными намерениями.

– Хорошо, – голос Гтирера повеселел. – Сейчас пойду. Кстати, а ты куда это собрался?

Флор взял оружие, насыпал в сумку патронов.

– По делам, – коротко и холодно ответил отец. Старший сын решил не спрашивать, что замыслил папаша. Понял: тот всё равно не ответит.

Бримо, конечно, не обрадовался, что далее возиться с трупом придётся самостоятельно. Он вообще уже начал жалеть, что взялся за это дело. Но Гтирер вскоре станет главным разведчиком, и с ним надо дружить. А то, что людоед и заставляет помогать ему в этом людоедстве...

«Такие мелочи можно и простить», – думал Бримо.

На улице стояла прекрасная погода. Туда-сюда сновал народ, под навесом громко ругались бабы. Жизнь кипела и бурлила, словно и не было никакого нападения зверей несколько часов назад. Гтирер бодро дошагал к дому судей. У крыльца чего-то дожидался Ихтин, друг детства. Когда-то они вместе с будущим столяром убегали за частокол, представляли, что охотятся на изгнанников. Вместе заигрывали с девчонками и вместе впервые попробовали пойло самогонщиков. Через всё детство прошла у них неразрывная дружба. Она сохранилась и сейчас, но лишь как дань традиции. Изменились интересы, у каждого появились цели в жизни. Вдобавок разные профессии наложили на каждого свой отпечаток.

Ихтин растолстел, заматерел. Жена нарожала ему прорву дочек, по две-три за раз. Частенько их похищали звери, но столяр к этому, казалось, привык. Да и жена не подводила, сразу восполняя потерю двумя-тремя новыми малышками.

Он стоял возле единственных в поселении часов – солнечных. Их циферблат был разделён на двадцать четыре деления, и тень от стоявшего в центре плоского треугольника указывала время. Бегать, смотреть который час было прерогативой детворы.

Поболтав с другом детства, Гтирер узнал, что Ихтин пришёл просить за одну из дочерей. Она затеяла под навесом склоку, в которой самогонщице сломали нижнюю челюсть и теперь ещё непонятно выживет ли она вообще. Судья, который рассматривал это дело, постановил, отрубить зачинщице на правой руке три пальца: большой, средний и мизинец. При таком раскладе дочь становилась обузой, ведь хватательная функция основной руки терялась. Ихтин же и пришёл оспаривать решение, находя его, по меньшей мере, зверским.

– А ты с тем судьёй, что выносил решение, разговаривал? – поинтересовался Гтирер.

– Первым делом, как утром узнал, так и побежал сразу к нему. Как я там только не распинался. Бесплезно. Сказал, что раз у самогонщицы есть шанс умереть, то и моя дочь этого заслуживает. Ты представляешь до чего дошло? Ровняют самогонщиков с нормальными людьми! Совсем... озверели, – намного тише сказал он последнее слово.

– Но ведь она может и выжить?! – Гтирер приподнял шапку и почесал затылок. – И что тогда? Получается, твоя дочь навсегда становится обузой, а та...

– Вот и я о том ему пытался втолковать, – развёл руками Ихтин. – Но знаешь же, насколько они тупоголовы. Ничего вокруг не видят!

– Думаешь, Дидли поможет?

– Если не он, то кто? – задал риторический вопрос друг детства.

Главный судья был в поселении последней надеждой. Если уже никто и ничто не могло помочь, то шли к нему. Зачастую, если он не мог помочь физически, то помогал советом, что в некоторых ситуациях было гораздо важнее.

Ихтин остался у крыльца. Его должны были позвать. Гтирер поднялся, сообщить о том, что пришёл. Только поднёс руку к двери, постучать, как та сразу распахнулась. На пороге стояла Сия. Её лицо расплылось в улыбке, когда она увидела, кто пришёл.

– У меня такое есть тебе рассказать... – заговорчески зашебетала она.

– Сия! – послышался строгий голос главного судьи. – Это разведчик?

– Да, пап, – звонко крикнула дочь. – Гтирер пришёл.

– Пригласи его ко мне, – последовало указание.

Сия отошла в сторону, сделала пригласительный жест рукой, а губы растянулись в счастливой улыбке, будто Гтирер принёс ей самый драгоценный подарок. Разведчик прошёл в дом. Первая часть, как и у остальных, отгорожена шкурой. Совет всегда заседал в третьей части, а весь немаленьких размеров дом разделён на восемь зон: учебную, для заседаний Совета, четыре жилых, хозяйственную и запасную. Последняя вообще была nonsensом поселения. Лишь семья судей имела столько пространства в доме, что могла часть его не использовать.

– Пойдём, я покажу! – Сия взяла его за руку, и провела через жилую часть, туда, где заседал Совет.

За круглым столом, постукивая пальцами по столешнице, сидел Дидли. Перед ним потрескивала одинокая свеча. Гтирер сразу обратил внимание на открытый люк в углу. Без сомнения, он вёл в так называемую «Кладовую» судей, где по легендам хранились вещи первых поселенцев, а также то, что произвели ремесленники поселения.

Судьи игнорировали вопросы о том, что хранится в подземной комнате. Лишь иногда достаивали людей смешком, из-за чего легенды только множились.

– Здравствуй, Гтирер, – поприветствовал разведчика главный судья. – Моя дочь, – кивнул на Сию. – Утверждает, что лучше, чем ты с этим делом не справится никто. Раньше мог бы твой отец, но он уже слишком стар.

– Я, конечно, польщён, – на секунду сконфузился разведчик. – Но к чему эта лесть?

– Сейчас и сам всё поймёшь. Разговор будет, в том числе и об этом, – веско покивал Дидли. – Присаживайся.

Гтирер опустился на стул напротив главного судьи. Сия осталась стоять за спиной.

– Ты наверно знаешь, что там? – кивнул судья на раскрытый люк. – Или хотя бы догадываешься. Я прав?

– Об этом все знают, – пожал плечами разведчик. – Там хранятся какие-то вещи первых поселенцев.

О второй версии, что там вся их семья прячется от нападения зверей, он решил смолчать.

– Да, – Дидли задержал взгляд на пламени свечи. – Ты очень и очень недалёк от правды.

Сия тяжело вздохнула и присела на стул. Деланно выражая скуку, подпёрла подбородок ладонью и закатила глаза к потолку. Мужчины молча скрестили на ней взгляды.

– В общем, – продолжил судья. – Там действительно хранятся некоторые очень важные вещи первых поселенцев. И сегодня одна из них была украдена. – Он пронаблюдал, как на лице гостя появляется удивление. – Да, мы сами здесь, мягко говоря, ошарашены.

– И я нужен, чтоб найти того, кто похитил эту самую вещь и, собственно, саму вещь? Так?

– Так, – в один голос ответили дочь с отцом. Дидли с укоризной поглядел на Сию, та потупила взгляд.

– А среди своих искать...

– Исключено! – презрительно сморщив лицо, перебил главный судья. – Каждый из нас и так знает всю важность и ценность данных предметов, потому...

– Вот именно! – лицо у Гтирера покраснелось, ладони сжались в кулаки. – Искать надо в пределах этого дома! Потому что только вы и знаете всю важность и ценность данных предметов. Я, например, не знаю, что там хранится, потому лезть, неизвестно зачем, рискуя попасться...

– Ты, может, и не будешь, – согласился с его доводами Дидли. – Но нашёлся кто-то безрассудный. И залез. И знаешь, что украдено? – Дидли прищурил правый глаз.

– Откуда? – приподнял левую бровь Гтирер.

– Ключ, которым можно остановить подачу электроэнергии в трансформаторной, – сказал Дидли.

Разведчик оцепенел с открытым ртом. В голове мгновенно родилось несколько догадок, но он решил их временно не озвучивать, а выслушать вначале, какие сведения скажут.

– Обстоятельства требуют, чтоб я рассказал тебе всё об этой вещи. Значит, есть такой небольшой медальон золотого цвета. Его функция в том, чтобы, как ты уже догадался, экстренно остановить подачу электроэнергии во все дома. Если ты хочешь спросить, для чего первые поселенцы оставили такую возможность, – остановил главный судья вопрос, который так и рвался с губ разведчика. – То я не знаю. Единственное, что я знаю точно... Если трансформаторную остановить, то снова мы её уже не запустим. А это значит...

– Что мы все замёрзнем, – неожиданно закончила вместо отца Сия.

Гтирер попеременно посмотрел в их глаза. Он чувствовал подвох, но в чём? Может быть в запуске трансформаторной? А может быть в самом ключе в виде медальона?

– Ясно, – ответил Гтирер, с такой интонацией, будто ему задавали вопрос. – Только я не понял логики в другом. Если эта вещь такая важная, то почему её вообще смогли украсть?

– В смысле «смогли украсть»? – начала Сия. – Она...

Дидли жестом остановил дочь.

– Я не советую разговаривать со мной в таком тоне, – Дидли смотрел в глаза разведчику. – Если я говорю, что надо найти эту вещь, то её следует найти, а не попрекать меня в том, чего сам не понимаешь.

– Так-так! – Гтирер выставил руки в притворно-останавливающем жесте. – Раз пошёл такой разговор, то может тогда и поведаете, почему я должен принести тебе вещь, которая наделяет властью? Ведь человек, который её выкрал, явно хочет сместить вас, судей. А ты решил чужими руками вернуть себе эту власть.

Главный судья и разведчик впились друг в друга глазами.

– Я думаю... – Сия не на шутку перепугалась. Она знала, что отец мог сделать с любым из жителей. По сути всё, что угодно. Но также она понимала, что Гтирер не тот человек, с которым можно сделать всё, что угодно.

Совсем не тот человек.

– Замолчи, – сквозь зубы процедил Дидли.

Гтирер попытался разобраться, какие же чувства и мысли владеют сейчас судьёй. Но кариye глаза надёжно хранили тайну. И, скорее всего, далеко-далеко не одну.

– Хорошо, – Дидли поднялся из-за стола, подошёл к раскрытому люку и посмотрел вниз. – Вообще-то всё не так просто. Мало иметь ключ. Нужны ещё и знания. А их у вора точно нет. Вероятно, он сейчас думает, что вскоре получит власть. Но чему будет равняться эта samozaxваченная власть? Не думал? А если придётся применить ключ, то он частично выведет из строя трансформаторную и в итоге треть поселения останется без электричества. Ты представляешь, что с ним сделают?

Гтирер молчал. Он кожей чувствовал, что ему врут, но не мог понять, в чём именно.

– Поэтому я и хочу остановить излишнее кровопролитие. Хочу не допустить того, чтобы несколько домов стали нежилыми, – Дидли присел обратно за стол. – Вот собственно и вся мотивация. А не как ты сказал: «чужими руками вернуть себе власть».

И вот здесь Гтирер окончательно понял, где ему наврали. Медальон не останавливал трансформаторную. Слова главного судьи звучали слишком сладко и приторно. Словно клятва гуляющей женщины в вечной любви. Медальон выполнял какие-то другие функции, о которых разведчику знать не полагалось.

Дидли подержал ладонь над свечой.

– Берёшься? – наконец спросил он.

– А куда я денусь? – пожал плечами разведчик. – Конечно, берусь. Только я по-прежнему думаю, что это кто-то из судей его и...

– Нет! – хлопнул Дидли ладонью по столу, Сия от резкого звука вздрогнула. – Это полностью исключается!

– Хорошо, – меланхолично ответил Гтирер. – Исключается, значит исключается. Какие у него ещё приметы, кроме того, что это медальон золотого цвета?

– У него гравировка на одной из сторон.

– И это все приметы?

– Больше тебе знать не нужно, – небрежно кинул Дидли.

– Не нужно, так не нужно, – Гтирер поднялся из-за стола. – И сложнее задания пришлось выполнять.

– Сия поможет, – кивнул на дочь Дидли.

– А она мне зачем?! – затаил дыхание разведчик.

– Во-первых, она знает, как выглядит медальон, а во-вторых...

– Хорошо, – Гтирер решил не вступать в бессмысленный спор, поднявшись, направился к открытому люку. – Когда найду что-нибудь необычное, я её позову. А пока что мне надо осмотреть место, где всё произошло. Вор должен был оставить какие-нибудь...

– Исключено! – слишком резво вскочил Дидли. Он прыжком оказался рядом и преградил разведчику путь. – Об этом не может быть и речи!

– Вы, кажется, не понимаете, – старший брат Ди потряс головой, словно пытался сбросить наваждение. – Мне необходимо посмотреть на оставленные вором следы. Необходимо изучить место. И чем быстрее я это сделаю, тем больше вероятность, что мы сможем остановить вора!

– Исключено! – лицо главного судьи раскраснелось, глаза налились кровью, а на лбу вздулась жила.

– Вы же сами мешаете мне искать вора! Мне надо осмотреть комнату, – настойчиво повторил Гтирер. – Прямо сейчас!

– Слышать об этом ничего не хочу! – голос судьи сорвался на крик.

Разведчик хотел сказать что-нибудь мерзкое насчёт семьи судей, да достойные ситуации слова не приходили в голову. Резко повернувшись, он быстрым шагом направился к выходу.

– Гтирер, – Сия вскочила, опрокинув табурет. – Подожди! Я тебе действительно нужна! – и побежала вслед за ним.

– Доча! – крикнул Дидли вдогонку. – Ихтина пригласи! – судья вернулся на табурет. Задержав ладонь над пламенем свечи, долго-долго её не убирал.

* * *

Молодой разведчик шагал по плато, присыпанному снегом, но мыслями перенёсся далеко-далеко. Представил, как принесёт голову Вожака, женится на Сие, а вскоре у них начнут рождаться дети. Ди обучит их ремеслу разведчика. Сия станет доброй и справедливой хозяйкой в доме, вытеснив злобную Тири. Старшие братья будут прислушиваться, а когда отец умрёт, Гтирер соберёт семейный совет, на котором объявит, что как самый старший он должен стать главным разведчиком, но, учитывая ум, ловкость и навыки младшего, не может взять на себя такое бремя. Ди станет отговаривать, но Гтирер твёрдо будет стоять на своём. Поначалу заказчики будут приходить, и обращаться к старшему брату, но Гтирер будет указывать на младшего со словами: «Он у нас глава». Заказчики будут смущённо рассказывать, что хотят найти, а Ди будет распределять задания между братьями, оставляя себе самые тяжёлые и невыполнимые. После каждого возвращения с одного из таких заданий, весь дом будет прыгать и ликовать. Многочисленные племянники и родные дети, будут окружать и наперебой тарыхтеть. Ди будет шутливо отбиваться, но они в итоге повалят и заставят рассказать, что было на задании.

Ветер поутих. Снег медленно, лениво кружился. Начали проявляться очертания высоких скал. Их вершины утопали в облаках, а по склонам виднелись запорошенные снегом деревья. Ди помнил одну из историй отца, про поход, который ему заказали столяры. Среди них много Сезонов бродила легенда, что деревья со склонов гор обладают большей прочностью. Но принесённый главным разведчиком кусок дерева разрушил этот миф. Отца не было долго, и многие думали, что он уже и не вернётся.

Именно после того похода главный разведчик начал утверждать, что убийство Вожака лишено смысла.

Ди брёл попросту вперёд. Поначалу сомневался, что таким образом выйдет хотя бы к логову зверей. Тем более не верил, что столкнётся с Вожаком. Но чем дальше брёл, тем сильнее сам себя убеждал, что раз идёт вперёд, то обязательно выйдет к цели. Даже представил, что Вожак сидит один одинёшенек на снегу и ждёт человека. Когда увидит Ди, то застынет поражённый, как человек смог найти дорогу. Разведчик вскинет обрез и точным выстрелом с обоих стволов поразит его в грудь. Вожак захрипит, повалится в снег. Тогда Ди отрежет ему, ещё живому, голову. Когда же начнёт запихивать в сумку, голова будет норовить цапнуть, оказав-

шись в темноте, громко взвояет. Ди конечно заспешит домой, чтоб показать этукую невидаль. Но голова по пути умрёт.

Плато неожиданно закончилось, и Ди оказался перед громадной пропастью. Некоторое время он глупо таращился вниз, каждый миг рискуя, что сильный порыв ветра столкнёт его в бездну. Мозги будто взяли отдых. Разведчик наблюдал за снежинками, парившими в пропасть, и не думал ни о чём. Он не знал, сколько простоял без движения, пока странный звук не вырвал в реальный мир.

Кто-то смеялся. Но как-то странно. Ди повернулся и увидел, как по плато бежит и оглядывается назад маленькое существо. Спустя мгновение сообразил, что видит звериного детёныша! На вид ему не исполнилось и четырёх Сезонов. Никто и никогда не видел их, потому Ди застыл в оцепенении. Понимал, что увлечённый игрой зверёнок непременно грохнется в пропасть, если его не остановить.

Молодой разведчик несколько мгновений наблюдал, как зверёныш приближался к обрыву. Чтоб спасти маленькое неразумное существо, стоило сделать лишь несколько шагов.

Детёныш подбежал к самому краю, посмотрел, наконец, куда несётся. Глаза округлились, а из глотки вместо смеха раздался душераздирающий вопль. Он попытался остановиться, но по инерции пробежал вперёд. Застыл на краю пропасти, несколько раз взмахнул лапами...

Ди прыгнул. Распластавшись на животе, успел схватить детёныша за заднюю лапу, когда тот уже полетел в пропасть. Зверёныш заверещал и, изогнувшись, принялся царапать человеческую руку. Глянув вниз, начал ещё сильнее царапаться, вереща от страха.

У разведчика появилось мимолётное желание отпустить проклятое царапающееся существо, но вместо этого, преодолевая боль, втащил детёныша на плато. Очутившись лапами на земле, зверёнок устрашающе то ли зашипел, то ли зарычал.

– Дурак, – усмехнулся Ди. – Я тебе твою никчёмную жизнь спас, а ты вот так благодаришь?

В снег перед лицом наступила звериная лапа. Молодой разведчик нервно сглотнул. Даже боль в разодранной руке пропала, а холод перестал существовать.

Несколько бесконечных мгновений Ди ждал боли, а после смерти, но так ничего и не произошло. Тогда он медленно поднялся. Выпрямившись, оказался лицом к лицу со зверем, половина морды которого была опалена. Ди сразу вспомнил красивые зелёные глаза, патрон, в котором не оказалось дробы.

Зелёные глаза смотрели с нескрываемой угрозой. Ди понял, что попытаться он поднять обрез и на шею сразу окажется рваная рана.

Детёныш спрятался за спину матери. Выглядывая оттуда, с интересом наблюдал, как она поступит с человеком. Зверь медлила. Вряд ли забылась боль доставленная выстрелом. Вряд ли ожог прекратил печь.

Зверь отступила на шаг и, приложив лапу к сердцу, низко поклонилась. После взяла ребёнка за лапу, и они пошли. Детёныш беспрестанно оглядывался, недоумевая, чем человек заслужил жизнь. Когда Ди резким движением вскинул обрез, а щелчок взведённых курков разнёсся далеко по округе, мамаша застыла. Инстинктивно прикрыла чадо собственным телом.

Ди целился в мохнатую спину. С такого расстояния может и не убьёт зверя, но точно сильно ранит. Пока тот будет приходить в чувство, успеет вставить патроны. И тогда в упор разmozжит голову. Так сделал бы каждый житель поселения.

Так собирался сделать Ди.

Разведчик надавил на спусковые крючки, но в последний момент направил стволы в небо. Горное эхо несколько раз повторило двойной выстрел. Зверь мгновение подождала, а после скрылась за снежной пеленой.

* * *

Вернувшись от судей, Гтирер завалился на кровать, и некоторое время пролежал без движения. Зайрик, средний брат, попытался выпросить, о чём был разговор, но Гтирер отмолчался. Тири тоже что-то спрашивала, но разведчик настолько ушёл в себя, что проигнорировал жену, размышляя над услышанным.

– Оставь его, – буркнул Бримо со своей кровати. – Видимо ему там дали хорошую пищу для размышлений. Помнишь же, в позапрошлом Сезоне он точно так же себя вёл, когда искал убийцу того, выпотрошенного, литейщика.

– Помню, – ответила Тири, искоса глянув на мужа.

Больше его никто не трогал. Дом зажил своей обычной жизнью. Но вскоре Гтирер испустил протяжный вздох.

– Да так и мозги свернуть можно! – он вскочил с кровати и отжался от пола тридцать раз. Обычная разминка мышц, которую разведчик делал по пять-шесть раз на дню. После сделал взмахи руками, разгоняя кровь.

– Бримо, – позвал второго по старшинству брата. – За частоколом размяться не хочешь? Они частенько боролись или тренировались на свободном пространстве.

– Нет, – брат лежал лицом к стене. – У меня голова разболелась.

– Как хочешь, – пожал плечами Гтирер. – Байомин, – окликнул старшего сына. – Давай, собирайся. За частокол пойдём. Попрактикуемся в выстреле после прыжка через голову.

Старший сын, Байомин, был также не похож на Гтирера, как Зайрик на отца. Редкие кучерявые волосы, лицо, на котором ни тени мужественности, хлипкое телосложение. Многие всерьёз были уверены, что если подует сильный ветер, то Байомина унесёт куда-нибудь на край мёртвого города.

Гтирер как-то раз представил, что если вырядить сына в платье, которое шьют девочкам, причесать соответствующе, то вряд ли и различишь, какого тот пола. Не единожды задумывался над верностью Тири, но вслух об этом никогда не заговаривал.

Всё поселение считало Байомина «последователем» Ди, таким же не нужным и бессмысленным человеком. Никто не видел в нём разведчика, и только отец не терял надежды, что сможет сделать из старшего сына достойного наследника.

– И я хочу! – завопил младший. – Папа! И я хочу!

– Подрастёшь, – погладил разведчик его по голове. – Будешь с нами ходить, а пока бегом к маме!

– Папа! – не сдавался ребёнок. – Я уже большой! Я хочу с вами!

– Тири, – позвал Гтирер жену. – Забери, – и подтолкнул малыша к матери.

– Я хочу с ними! – разревелся младший сынишка. – Я хочу...

– А ну не вопи! – прикрикнула Тири. Ребёнок послушно умолк, потёр кулачками глаза. Открыл рот что-то сказать, да так и застыл, наблюдая, как старший брат с папой уходят за тот самый, таинственный и непознанный, частокол.

На улице было полно людей. Все повылазили из тёмных домов навстречу солнышку и ясному безоблачному дню. Где-то смеялись, где-то болтали, из-под навеса донёсся женский визг. Видимо опять кто-то что-то не поделил. Детвора с гомоном носилась от дома к дому.

Гтирер улыбнулся.

– Чему ты улыбаешься, пап? – Байомин осмотрелся кругом. Поселение, как всегда, бурлило и кипело, радовалось жизни.

Разведчик хмыкнул, но ничего не ответил. Ещё несколько мгновений постоял, с улыбкой разглядывая окружающую жизнь.

– Пойдём, – еле слышно ответил он.

Когда проходили мимо навеса, оттуда, словно поджидала его, выскочила Сия.

– Привет, Гтирер!

– Привет, ещё раз, – остановился разведчик.

– Мы же теперь работаем в команде, ты помнишь? Потому нам стоит...

– Я уже сказал, – оборвал он. – Что когда найду этого человека, то позову тебя.

– Гтирер, – мягким голосом сказала Сия. – Это не обычное дело, которые тебе доводилось не единожды расследовать. Здесь нечто посерьёзнее, и намного важнее. К тому же это не моя прихоть, а приказ. Так что... – виновато развела она руками.

– И что ты предлагаешь? – усмехнулся он. – Ходить и выспрашивать у каждого: «А не вы ли собираетесь захватить власть»?!

– Аккуратнее, – шепнула дочь судьи, мельком глянув на притихшего Байомина. – Здесь ушей больше чем снега.

– Тогда отстань и не мешай. Когда понадобишься – позову.

– Я тебе понадобится уже сегодня, – Сия сделала шаг к разведчику. – Я знаю ещё кое-что, чего мой отец не посчитал нужным тебе рассказать, хотя эти знания могут сильно облегчить дело. Да к тому же, – посмотрела в сторону. – Я забыла тебе рассказать, – она подошла близко-близко к разведчику. – Что твой брат, Ди, ушёл за головой Вожака.

– Куда?!?! – воскликнул Гтирер так, что дочь главного судьи попятилась. – Куда он пошёл?!

– За головой Вожака, – неуверенно пробормотала она.

– Куда?! – сделал шаг к ней разведчик. – Куда пошёл?!

– Вожака убивать, – прошептала Сия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.